

Дана
КОЗН

Чувства
НАМІЗНАНКУ

Даша Коэн

Чувства наизнанку

<https://litres.ru/74204274>

Аннотация

Существует пять причин почему я ненавижу Марка Хана. Первая - он заносчивый засранец. Вторая - он слишком смазлив и уверен в себе. Третья - он вечно всем недоволен. Четвёртая - он не признает рамок и не имеет тормозов. И пятая - он мой босс.

Предыстория - "Изнанка чувств" -

Содержание

Пролог	4
Глава 1 – О том, как я осталась без трусов...	11
Глава 2 – О том, как я потеряла стыд...	21
Глава 3 – О том, как кое-кто потерял совесть...	32
Глава 4 – О том, как кое-кто ошалел...	43
Глава 5 – О том, как мне вправили мозги...	55
Глава 6 – О том, как горько быть «галочкой» ...	66
Глава 7 – О том, что у всякого есть прошлое и настоящее...	77
Глава 8 – О том, как жить хорошо...	88
Глава 9 – О том, как порой всё бесит...	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Пролог

– Нинусь, привет, – запыхавшись, тяну в трубку.

– Танька, прощаая ты женщина! Ты время видела? Где тебя нелёгкая носит? – в своём стиле наезжает на меня лучшая подруга.

А я и сказать ей ничего утешительного не могу, потому что у меня тут прямо по курсу полная задница. Вредная! Заносчивая! Совершенно невыносимая!

Ненавижу!!!

– Я ещё в офисе, – как есть выдаю информацию своей собеседнице.

– Как в офисе? Ты же полчаса назад в мою сторону ехала! Ну что опять началось-то, Тань?

– Пришлось развернуться и ехать обратно, – пыхчу и суматошно жму на кнопку вызова лифта.

– Опять твой изверг бушует? – сочувственно спрашивает подруга.

– Не опять, а снова! Господи, Боже ты мой, как же этот гадский гад меня задолбал! Сил нет! Быстрее бы уже год доработать и уволиться к чёртовой матери. Буду месяц отмечать этот великий день. Нет, два месяца! А ещё лучше три!

Ковалёва ржет в трубку, а я только фыркаю и качаю головой.

– Смешно тебе, да? Ну, конечно, это же не ты обзавелась

боссом-придурком, да, Нинусь?

– Это только тебе, Сажина, везёт на боссов-придурков. А я сама себе начальник.

– Ведьма! – рычу я.

– Не завидуй. Лучше скажи, когда тебя теперь ждать?

– Постараюсь вызверить его, чтобы он поскорее уже послал меня на все четыре стороны, – вздыхаю я, закатывая глаза к потолку.

– И за сколько планируешь управиться?

– Ну... думаю, что полчаса, и дело будет в шляпе, – прикидываю я свои перспективы.

– Давай, девочка моя, обломай этому козлу все его рога и скорей ко мне. А тут уж я тебя быстро реабилитирую бутылочкой Просекко, – ржет Нинка.

– Двумя бутылочками! – успеваю поправить я подругу прежде, чем лифт наконец-то открыл для меня свои створки, – Всё, дорогая, отключаюсь. И, да, пожелай мне удачи!

– Лучше буду материть.

И я зашла в пустую кабину, нажимая кнопку последнего этажа, раздумывая и вздыхая над своей непростой судьбой.

И как меня вообще угораздило, а? Ну вот как?

А теперь посмотрите на меня! Чуть больше месяца прошло, как на новом месте работаю, а я уже успела превратиться в запаренную неврастеничку. И все из-за кого? Из-за своего прямого руководителя, который вечно всем был недоволен и нон-стопом брюзжал, словно старый пердун.

И это исчадие ада снова решило испортить мне вечер пятницы. Мне! Той, кто почти безвылазно не просто работает на него, а практически живёт в офисе.

А-а-а!!!

Лифт издал характерный сигнал, а затем его створки открылись, приглашая меня выйти в коридор, застеленный темно-изумрудным ковром. Сделала шаг, и высокая шпилька утонула в его высоком ворсе. Сглотнула, пытаюсь успокоиться и неосознанно пригладила волосы. Стряхнула невидимые ворсинки с пиджака и одёрнула юбку-карандаш. Но не удовлетворившись этим, достала из сумочки ярко-красную помаду и зеркальце, на ходу поправляя макияж.

Я не дам этому дьяволу во плоти ни единого шанса, чтобы упрекнуть меня. Ни единого, слышите?

Прошла в приёмную и замерла у двери в его кабинет. Ещё раз глубоко вдохнула, а затем медленно выдохнула. Подняла руку и наконец-то постучала, тут же слыша мужской низкий, чуть хрипловатый голос:

– Входи.

Что я, собственно, и сделала. А потом замерла, глядя на своего босса во все глаза. Безусловно, он был красив. Я не буду притворяться недалёкой слепой дурой, отрицая этот очевидный факт. Высокий, широкоплечий, стройный, с идеально сидящим на нем дорогим костюмом. Тёмные густые волосы, подстриженные по моде. Аристократические черты лица вводили в заблуждение, говоря о его, казалось бы, очевид-

ной мужественности: тёмные брови, чувственный рот, прямой нос, высокомерно выступающий подбородок. И самые холодные серые глаза на всем белом свете...

Но я видела за этим фальшивым фасадом его истинное обличье.

И ненавидела всю эту прилизанную безупречность. Терпеть её не могла. Можно даже сказать, что органически её не переваривала. Марк Хан был олицетворением всего, что я презирала в мужчинах: деньги и власть изуродовали его внутренний мир до неузнаваемости, изгадили все закоулки души, превратив в пустой пшик истинные моральные ценности.

Для таких, как он, не существовало рамок. Такие, как он, не знали о существовании слова «нет».

– Явилась, – выдал он мне со смешком вместо приветствия, хмыкнул и закинул ногу на ногу.

– Добрый вечер, Марк Германович, – заученным безэмоциональным голосом ответила я ему.

– Нихрена он не добрый, Татьяна Юрьевна! – неожиданно гаркнул начальник, а потом ткнул в распечатки на своем столе, заставляя меня нервно сглатывать.

– Что-то случилось? – чуть выше задрала я нос, хотя уже не чувствовала никакой уверенности.

– Случилось? Да, Тань, случилось. Я взял тебя на работу – вот что случилось. А по факту обзавёлся на свою голову ещё одной тупицей, которая не способна довести ни одного

дела до конца! И это ещё хорошо, что я проверил презу для «Пи-Фарм». Проверил и, мать твою, ужаснулся!

Он не орал. О, нет! Но каждое его слово сочилось таким ядом так, что хотелось забиться куда-нибудь под стол и сидеть там вечно, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Иди сюда и объясни мне, чёрт тебя дерит, какого художника ты тут накуролесила, – и его ладонь с музыкальными длинными пальцами снова ткнула в распечатки.

В комнате уже царил вечерний полумрак, и только над столом горела теплым светом одна единственная лампа, успокаивая мои расшатанные нервы. Вот только я совершенно не понимала, за что провинилась на этот раз.

Презентация для «Пи-Фарм» была вылизана мною вдоль и поперек, и я была уверена, что с ней все в порядке. А потому кинула свою сумочку в ближайшее кресло и уверенно двинулась к его столу.

И замерла, оглядывая листы с графиками и таблицами.

– Марк Германович, я не понимаю, – произнесла я тихо, нахмурилась и склонилась над столом.

А дальше начала крутить в руках то один лист, то другой, принимаясь объяснять мне одной очевидные вещи.

– Чёрт, это же не последняя версия. Вот эта таблица: смотрите, тут значатся цифры до первых правок. И вот эти графики, наживуленные ещё без учета конкретных цифр от заказчика. «Но, как же так?» – я ещё что-то говорила и говорила, перебирая листы и делая предположения, что секретарь

просто распечатал не тот вариант презентации.

Хотя я была точно уверена, что кидала на почту Хану последнюю и абсолютно корректно выполненную работу.

– Марк Германович, – обернулась я к мужчине, что сидел ко мне почти вплотную и смотрел на меня, подперев лицо своей левой рукой, – проверьте свою почту, пожалуйста, я уверена, что выслала вам совсем...совсем другую...презентацию.

Забуксовала я и затихла, потому что начальник вдруг опустил свои глаза и начал неспешно скользить ими по моей фигуре.

Вверх...

Вниз...

– Марк Германович? – замерла я как вкопанная, увидев, как он прикусывает нижнюю губу, а потом медленно обливается.

– Заткнись, – долетело до меня одно единственное слово, сказанное отрывисто и категорично.

И я, решительно не понимая, что происходит, подняла глаза и слепо уставилась в стену перед собой с гулко бьющимся за ребрами сердцем.

А потом резко захлопнула глаза, чувствуя, как рука моего босса неожиданно прикоснулась к моему колену, погладила его и неспешно поползла выше.

И ещё выше...

Пока его пальцы не добрались до ажурной резинки чулка,

но и там надолго не задержались, а последовали дальше, обжигая своим касанием нежную, обнажённую кожу бедра.

Судорожный вздох. И рваный, сбитый выдох.

Боже!

Что это такое сейчас происходит, чёрт возьми?

Глава 1 – О том, как я осталась без трусов...

Таня

По лестничным пролётам простой пятиэтажной хрущёвки я даже не бежала, а взлетала. На шпильках, в узкой юбке-карандаш, с офисной сумкой в руках – пофиг. Разве это весомые причины замедлиться, когда за тобой гонятся адские гончие из воспоминаний? Вот и я думаю, что нет.

А потому на последнем этаже и у нужной квартиры я оказалась в рекордное время. А там и замерла, прижимая ладонь к груди, внутри которой металось перепуганной, полубезумной пичужкой моё сердце. Нажала на звонок, а затем ещё раз. Нервно переступила с ноги на ногу. Тоненько пискнула и прикрыла глаза, а потом резко распахнула их, когда дверь передо мной открыла подруга.

Её вопросительный взгляд был направлен на меня, мой в ответ – совершенно ошалевший. А дальше я просто отодвинула подругу со своего пути и прошла в квартиру, на ходу скидывая с уставших ног лодочки на экстремально высоком каблуке.

И на кухню.

К холодильнику.

Где тут же выхватила обещанное мне «успокоительное».

– Тань? – потянула из-за спины Ковалёва, пока я в одно движение откупорила охлаждённую бутылку.

– Что? – прохрипела я ей в ответ.

– Что это с тобой? – обошла она меня и попыталась заглянуть в глаза, но я тут же их отвела.

А потом прямо так из горла принялась хапать спасительное Просекко. Но руки все равно тряслись, а тело гудело как под напряжением. И всё, из-за кого?

Из-за козла, что умудрился свалиться на мою буйную голову!

– О-о-о! – потянула Нина и шлёпнулась на шаткую табуреточку позади себя.

– Будешь? – протянула я ей бутылку, когда запила первую волну напряжения и паники.

– Да уж, не откажусь, – кивнула подруга, но всё-таки поднялась со своего места, чтобы поставить на стол два хрустальных фужера и тарелки с нарезками.

А когда закончила, уселась напротив меня, просверлила в моём лбу дырку, сурово нахмурилась и выдала:

– Выкладывай!

– А, может, не надо? – тоненько пискнула я и прикусила кулак.

– Надо, Таня, надо! – разлила Ковалёва вино по фужерам и протянула мне мою порцию.

– Если вкратце, то это звездац, Нинусь, – вздохнула я.

– Что этот чёрт сделал на этот раз? – вспыхнула подруга

и грохнула по столу кулаком так, что даже я вздрогнула.

– Он меня...

И замолчала, не в силах вымолвить больше ни слова.

– Что? Уволил? – насупилась Нина.

– Нет, – замотала я головой и застонала, – но лучше бы уволил, честное слово.

– Тогда что?

– Он... он меня...

– Ну что? Премии лишил, да?

– Нинусь, – поджала я губы и жалобно на неё глянула, не в силах рассказать то, что со мной приключилось. Это было слишком! Это до сих пор не укладывалось в моей голове, а уж как обличить всё в удобоваримые слова, так я и вовсе не понимала.

И стыд всё больше поджаривал меня изнутри!

– Вот же гад ползучий! Знает же, что тебе сейчас деньги позарез нужны, и всё равно извращается!

– Извращается, – кивнула я и прихлебнула из бокала.

– Слушай, Тань, а может тебе плюнуть на всё и уволиться, а?

– Гениально, Нин! И как я сама до этого не додумалась и правда? Только есть один нюанс. Малюсенький такой, – показала я соответствующий размер большим и указательным пальцами, – кредит ты за меня платить будешь?

– Мда, – поджала губы подруга, – за меня бы кто мои выплатил.

И на кухне после этих слов воцарилась практически groboвая тишина, нарушаемая только тиканьем часов на подоконнике, да мерным шумом вечернего мегаполиса за окном. Каждая из нас думала о своём. Нинка, наверное, о том, как ей катастрофически не везёт на мужиков. А я о том, что мне во второй раз к ряду фортануло как утопленнику.

– Нинусь? – выдохнула я, – Что мы всё обо мне, да обо мне. Ну, подумаешь, работа. Ну чёрт с ним, с этим Ханом проклятым. Ты лучше расскажи, как у тебя тут дела? Сколько мы с тобой не виделись, м-м?

И подруга вдруг встрепелулась, а потом залилась соловьем, рассказывая, что наконец-то вроде как встретила нормального парня и уже дважды сходила с ним на романтическое свидание. Я, конечно, же улыбалась в ответ на ее слова, а сама под столом отчаянно скрещивала за неё пальцы. Потому что, ах и ох, но сколько раз сидя на этой самой кухне, я слышала подобные восторженные рассказы, а вскоре услужливо подавала ей салфетки, когда она оплакивала очередного мудака.

Нинке было тридцать три, мне двадцать два, и один чёрт знает как так получилось, что мы сдружились. Но факт оставался фактом: она была одной из немногих, кого я считала близким человеком. Правда, даже ей я не могла открыться до конца, рискуя прийти к неутешительным для себя выводам.

Так и сидели мы на кухне, болтая обо всём, кроме сегодняшнего инцидента, а глубоко за полночь всё-таки решили,

что с нас хватит, и двинулись спать. Но перед тем, как лечь на разложенный и скрипучий диван-книжку, я впервые обратилась к подруге со странной просьбой:

– Нинусь, ты мне дай какую-нибудь пижамку, а?

– Пижамку? Нафига тебе пижамка, Сажина? На улице лето, жара вон какая, даже ночью шпарит. Да и ты всегда у меня в труселях спала и не выделялась. Если так надо, то вон там в шкафу возьми какую-нибудь мою домашнюю футболку и дуй в постель. Пижамку ей, – хмыкнула Нинка.

А я ещё раз отчаянно вздохнула.

Спать в трусах? Да я бы с радостью, если бы только они у меня были.

Были, да сплыли...

Подруга укладывается на своё привычное место у стенки и блаженно прикрывает глаза, а я всё-таки топаю к шифоньеру и принимаюсь выискивать там какую-нибудь подходящую для своего случая одежонку. И нахожу – удлинённое домашнее платье. Радостно подхватываю его и несусь в ванную комнату, где тут же принимаюсь раздеваться.

Мда...

Одна нижняя пуговица на блузке всё-таки выдрана с мясом, подвязки пояса для чулок испорчены, да и капрон дал стрелку после соприкосновения с его ремнём.

Ох...

Вспышка воспоминания окатывает меня сначала ледяной водой, а за ней сразу же кипятком. С ног до головы. Сначала-

ла остужает нервы, а затем вновь их раскаляет за считанные секунды.

Устала...

Тру подушечками пальцев глаза и присаживаюсь на край простой чугунной ванны. Тихо вздыхаю, а потом почти до крови прикусываю кончик языка. Сильно. Потому что на нём ещё остался Его вкус, вьелся в рецепторы, ввинтился и про-рос корнями так, что уже ничем не вытравишь.

И как я могла допустить всё это? Глупая гусыня...

Продолжаю раздеваться, веду плечами, позволяя скользнуть с себя шёлку белоснежной блузки. Перевожу взгляд на грудь, шиплю и почти в голос ругаюсь.

– Новый бюстгалтер, ну какого художника, а?

Снимаю с себя испорченное ажурное бельё и недовольно поджимаю губы. Ну еще бы! Ведь разодрал такую красивую вещь, и всё почем зря. У-у-у, ненавижу!

Скатываю с ног чулки и отстёгиваю пояс – всё это на мусорку. Бесит! Бесит неимоверно!!!

Остаюсь обнажённой и медленно веду взглядом по своему отражению в зеркале. На бедре обнаруживаю несколько маленьких синяков. Сзади на ягодице тоже. Подхожу ближе, приглядываюсь, а потом резко дёргаю головой, не в силах больше смотреть на все эти отвратительные следы недавнего на меня посягательства.

Разворачиваюсь и резко кручу краны, а потом, не дожидаясь оптимальной температуры, встаю под упругие капли

воды. Всхлипываю отчего-то, затем шлёпаюсь на задницу, с ужасом понимая, что с губ срывается первый, но полный отчаяния стон. Ещё минута безуспешных попыток, и я уже беззвучно плачу. Я умею – жизнь меня слишком часто пинала, чтобы я наконец-то освоила этот полезный навык.

Спустя десять минут я уже чувствую себя намного лучше. Не в норме, но из горла больше не рвутся эмоции. А потому я понимаю, что только сейчас смогу спокойно уснуть, больше не думая ни о чем, и особенно о глазах цвета стали. Выхожу из ванной, вытираюсь, надеваю на себя растянутое и выдавшее лучшие времена домашнее платье-футболку и на цыпочках крадусь в комнату, где уже давно сладко спит подруга.

Ложусь на свою подушку, морщась от протяжного скрипа дивана, накрываюсь простыней и замираю. Лежу тихо, чтобы не спугнуть затихшие мысли в своей голове. И неистово приказываю себе спать.

Спать, черт возьми!

Да только всё бесполезно. Стоит мне лишь закрыть глаза, как тут же передо мной яркими красками взрывается картинка, а за ней ещё одна. Ещё и ещё, и снова...

И мне не остается ничего больше, кроме как пережить всё это вновь. От и до!

... Лавина разнополярных эмоций... и обжигающие прикосновения его пальцев на моём бедре. Так преступно близко к запретному и недозволенному. Но Марку было плевать

на правила всегда.

Его правая рука пропутешествовала от колена вверх и угнездилась между моих ног, большим пальцем планомерно поглаживая ягодицу, пока левая рука хозяйничала спереди, помогая до неприличия задирать мою юбку. А я только стояла на месте как вкопанная и в шоке хлопала глазами, словно глупая корова! Пока не стало катастрофически поздно...

Марк встал в полный рост, а вместе с ним и его ладони взметнулись вверх. Огладили ягодицы, сжали их с силой и двинулись дальше, смыкаясь на бёдрах спереди и чуть ниже от моих трусиков.

– Что... ты делаешь? – выдохнула я, уперевшись ладонями в стол.

– Ох, ну надо же, ты мне больше не выкаешь, – хохотнул Хан, а затем резко дёрнул меня на себя, сталкивая нас вместе и практически высекая искры у меня из глаз. Холодный металл его пряжки опалил мою голую попку, заставляя тихо охнуть от неожиданности. А ещё потому, что я совершенно ясно почувствовала, насколько серьёзны его намерения.

– А я всё думал, надолго ли тебя хватит. Месяц продержалась. Я удивлен, Таня...

Его голос словно играет на моих невидимых струнах, а потом и вовсе рвёт их, когда из его рта вырывается мое имя. И только я хотела со всей дури двинуть ему по рукам, как меня стремительно крутанули на месте, подхватили под задницу и усадили на рабочий стол, разводя ноги в стороны.

А дальше я полетела в глубокую кроличью нору, потому что его губы обрушились на меня.

Клянусь Богом, я пыталась увернуться, но мне не дали этого сделать. Уже спустя мгновение его ладони жестко зафиксировали мою голову, а пальцы с силой надавили на подбородок, заставляя меня приоткрыть рот.

И всё. Цунами. Ураган. Смерч.

А я только слепо шарила руками по его груди, пытаюсь оттолкнуть от себя его мощное тело, но получила в ответ только ещё большее давление на мой пошатнувшийся мир.

И мычала, уговаривая себя не отвечать ему. Ни коим случае!

Очередной рывок, и я услышала, как пуговица от моей блузки отлетела в неизвестном направлении, а через пару мгновений его горячие ладони дотронулись до моей груди. Потянули кружево белья, и я с ужасом услышала треск нежной ткани.

– Ответь мне, – прикусывает он мою нижнюю губу, но я только отрицательно трясую головой, и, сама того не зная, спускаю его демонов с цепи.

– Марк! – охнула, когда его тёмноволосая голова опустилась ниже и сомкнулась на моей напряженной вершинке.

А в ответ – только довольное урчание, и ещё одна атака, которая, к моему ужасу, заканчивается болезненной судорогой между разведённых ног.

– Остановись, – бормочу тихим, сбитым шёпотом, но ему и дела нет до моих просьб.

– Я рассчитывал услышать нечто другое, – и дьявольская улыбка прожгла меня насквозь, посылая по коже волну сумасшедших мурашек.

Непонимающе распахнула глаза, а потом резко зажмурилась, так как его руки в одно движение сорвали застёжки пояса с чулок, а затем приподняли меня и буквально содрали моё нижнее бельё.

И где-то здесь я опомнилась, понимая, что со скоростью света лечу в сети этого похотливого паука.

Потому что его пальцы оказались там, где им не следовало быть! Нагло. Беспардонно. Как будто он имел на это право.

- М-м, видишь, Таня... Ты такая мокрая. Для меня.

Резкий взмах руки, и мою ладонь обжигает боль от пощёчины. И пока Хан стоит абсолютно потрясённый моим поступком, я соскальзываю со стола, тут же одёргивая свою юбку, и несусь на выход, не забыв прихватить свою сумочку.

– Таня! – рычит он мне вслед, а я только вскидываю руку с поднятым средним пальцем и ещё сильнее припускаю в сторону лифтов.

– Иди ты к чёрту! – шиплю я и на ходу ловлю спустившийся с ноги чулок.

Глава 2 – О том, как я потеряла стыд...

Таня

– Тань! Танюха! Татьяна Юрьевна, чёрт тебя раздери! – вырывает меня из сна голос моей закадычной подруги.

– А-а? – вздрагиваю всем телом и разлепляю я глаза, ошеловело смотря по сторонам и решительно не понимая, что происходит.

– Бэ! – рычит Ковалёва.

– Ты на кой, спрашивается, разбудила меня, женщина? Мы что, горим? – бухчу я, переворачивая подушку прохладной стороной, а потом снова заваливаюсь на неё и блаженно выдыхаю.

Так по кайфу! Прохладно...

Ведь тело странно ломит, и вообще в комнате что-то неприлично жарковато.

– Вот так значит? Я её тут от кошмаров спасла, а она морду воротит, неблагодарная...

– Кошмаров? – приоткрыла я один глаз.

– Кошмаров!

– Какая содержательная беседа у нас с тобой выходит с утра пораньше, но давай перенесем её на более позднее время, – снова пытаюсь ухватить дрему за хвост.

– Кошмаров, Тань, – бухтит Нинка, и я прямо вижу, как она обиженно надула губы.

Снова открываю глаза, и точно – сидит, словно надутый ребенок, хорохорится.

– Ну чё там? – сдаюсь я и переворачиваюсь на спину.

– Чё, чё... Стонала, будто тебя режут, и всё повторяла как заведённая: «Марк, не надо. Марк,пусти...».

Ля, какие весёлые истории!

Внутренности моментально обварило кипятком да так неожиданно и сильно, что пришлось судорожно стиснуть бёдра. А потом медленно прикрыть глаза и беспечно улыбнуться подруге, чтобы не выдать себя с головой. Чтобы она не увидела в моих бесстыжих глазах даже намёка на то, что я позволила вчера с собой сделать.

– Вот же мерзость какая! Даже во сне мне покоя не даёт, гадкий тарантул! – пожалала плечами и показательно вздохнула.

– Что он тебя там пытал, Тань?

– Где? – ужаснулась я.

– В кошмаре твоём, ну!

– А-а-а, ну да пытал, Нин, – кивнула я и снова откинулась на подушку, прижимая руку к неистово колотящемуся сердцу.

И в этот самый момент картинки сновидений, словно яркие грани калейдоскопа, завертелись в моём сознании. Зачем мои замшелые мозги решили всё это прокрутить во снах

еще раз – чёрт его знает! Но, Боже, да, это случилось! Снова. Как наяву.

Я. Он. Чёртов стол...

Так, стоп!

– И как пытал? – никак не могла уговориться подруга, а с ней и услужливые воспоминания усиленно бомбардировали мои мозги.

Поцелуи. Прикосновения. Толчки.

– Лишил премии на полгода, Нинусь, – проскрипела я и накрылась подушкой с головой.

– Извращенец! – зарычала подруга, а я ухмыльнулась, искренне соглашаясь с такой формулировкой.

Ковалёва еще что-то бухтела и вздыхала, затем встала и потопала в душ, а после на кухню, чтобы сварить себе кофе позабористее. А я только слушала ее возню и снова медленно погружалась в сон. Почти растворилась в его тёплых, обволакивающих объятиях, а потом моё сознание прострелила ужасная, просто отвратительная мысль: сегодня суббота, а это значит, что уже послезавтра я должна буду прийти на работу в офис, где будет и Он тоже.

Прийти и взглянуть ему в глаза!

И тут же протестующий стон сорвался с моих уст. А потом и ещё один вперемешку с рычанием.

Да за что, блин, мне это всё? За что?

– Ты что тут опять стонешь, горемычная? – ворчит Нинка, и я чувствую, как под её весом прогибается скрипучий

диван.

– Ну что за утро? Уже постонать не дают спокойно человеку, – бухчу ей в ответ и выныриваю из-под подушки.

– Утро начинается не с кофе? – протягивает она мне кружку с ароматным напитком, всё как я люблю: чёрный и без сахара.

– Не с кофе, – согласно тяну я и делаю большой глоток, жмурясь от удовольствия, – спасибо!

– Пять рублей, – лохматит мне волосы Нинка и встаёт на ноги, – слушай, мне тут из салона написали, один мой мастер заболел. Ты как, не обидишься, если я скажу тебе, что через два часа должна выйти на замену? Лето, отпуска, мне некого больше выдернуть.

– Не обижусь, – пожимаю плечами, – но с одним условием, Нин.

– Ась? – подняла на меня свои глаза подруга.

– Выброси уже этот диван! Мне двадцать два, но после ночёвок у тебя я целый день чувствую себя старой вешалкой. И, вообще, ремонт бы тебе тут не помешал, а на его время ты и у меня пожить можешь.

– Нет, – решительно рубанула воздух Ковалёва, – это память о Стёпе. Мы в этой квартире когда-то всё сами делали, а потом её обставляли. Понимаешь?

– Понимаю, Нин. Только Стёпы твоего уже семь лет как нет в живых. Пора бы уже...

– Да, Тань, – перебила меня подруга, – тебе пора домой,

да и у меня дела.

Обиделась. Впрочем, как и всегда при воспоминании о её покойном супруге. Но я предпочла забыть на это, а уже спустя час входила в свою маленькую студию, что снимала вот уже три года в спальном районе столицы.

Это были тридцать два квадратных метра моей личной крепости. Неприкосновенный бастион, куда я допускала только избранных. Здесь, за железной дверью, я переживала свои взлёты и падения, вот и теперь прошла и уселась на диван, тупо оглядывая пространство.

И совершенно не понимала, что мне делать дальше.

Изводила себя весь день страшно. На нервяке перемыла квартиру, перегладила всё постельное бельё, перестирала шторы, разложила в шкафу все вещи по цветам и даже окна надраила до идеального блеска. Умаялась как проклятая, а от навязчивых мыслей в своей голове так и не избавилась. Нет-нет, да замирала каменным изваянием и снова пропускала через себя бурю воспоминаний, а потом летела на кухню и жадно хапала ледяную воду.

Потому что стыдно. Потому что недопустимо. Потому что нельзя!

Но понедельник, как бы я того не хотела, всё-таки наступил, и я, дёрганная и с искусанными губами, хоть и с опозданием, но появилась в офисе. Всё оглядывалась по сторонам, короткими перебежками добралась до лифта, а на своём этаже словно мышка прошмыгнула за рабочий стол в огромном

опенспейсе. И – в компьютер, чтобы ничего не видеть и не слышать. Хотя, каюсь, прислушивалась к каждому звуку и шороху, боясь увидеть Хана и его стальной взгляд, устремлённый прямо на меня.

Извелась неимоверно. Как ещё глаз дёргаться не начал, я не знаю. Но на послеобеденное совещание я шла как на эшафот: ноги ватные, руки трясутся, в груди бухает, кровь в венах бурлит.

Страшна!

Вот только в кресло руководителя вместо Хана сегодня сел его первый зам, а потом одним предложением подарил мне такое облегчение, что я растеклась прибалдевшей лужицей на своём стуле:

– Напоминаю, Марка Германовича до понедельника не будет, он улетел во Владивосток. Но мы не расслабляемся и пашем, господа. Поехали...

О, я не поехала. Я летала! Порхала, парила и вообще была явно не в себе от счастья. Неделю без Хана – это же так чертовски много, так божественно прекрасно!

Вот только уже спустя несколько часов мне пришлось стереть улыбку со своего лица, а потом вспыхнуть от праведного гнева. И всё из-за посылки, которую мне вручил появившийся за пятнадцать минут до конца рабочего дня курьер.

– Сажина Татьяна Юрьевна? – спросил парнишка и поправил фирменную кепку.

– Я.

– Это вам, – протянул он мне чёрную матовую коробку, повязанную алым бантом и удалился.

А я осталась сидеть и недоумённо хлопать глазами. Правда, любопытство взяло верх над здравым смыслом, и я всё-таки приоткрыла коробку, а потом и заглянула внутрь. И тут же её захлопнула.

– Похотливая скотина! – прошипела я мстительно и брезгливо оттолкнула от себя посылку.

Наверное, не нужно вам объяснять, что остаток рабочего дня я просто сидела и тупо пялилась на чёрный матовый картон и алый бант? Ну вот и здорово, потому что именно так и было. Я полировала их взглядом, а потом, словно какое-то мерзкое насекомое, подхватила кончиками пальцев и тут же запульнула всё это хозяйство в мусорное ведро.

Потому что там ему было самое место!

А вскоре уж подошло время идти домой. Вот только сложив в сумку свои нехитрые пожитки, я на минуту задумалась о том, что нельзя вот так просто взять и оставить такую очевидную улику у всех на виду. А вдруг уборщица посмотрит, что внутри, и разболтает о находке у меня под столом.

И всё – считайте моя песенка спета. Пинком под зад и с волчьим билетом на все четыре стороны, тогда как Хану ничего за его проступок не будет. Биг босс же, да и отец его – президент компании, ну пожурит сыночка за шашни на рабочем месте, не более.

Именно потому я всё-таки нагнулась и вытащила из му-

сорного ведра коробку, перехватила её под мышкой и только тогда двинула в сторону выхода. А уж придя домой, поставила её на журнальный столик перед телевизором и только сейчас задумалась о том, что какого же чёрта я не выбросила её в мусорку рядом с домом?

Дура, потому что!

Водрузила картонку на журнальный столик и двинула к кухонному уголку, чтобы приготовить себе ужин, а после целый вечер сидела и полировала красный бант возмущённым взглядом; всё ругала про себя беспардонного начальника.

Сволочь! Скотина! Мерзавец! Подлец!

Вот только руки чесались неимоверно, и сраное женское любопытство компостирировало мозги, посылая мне невидимые сигналы: открой её, посмотри, давай...

А-а-а!

Плюнула на это гиблое дело, встала, переоделась, подхватила спортивную сумку и двинула в спортивный зал, что располагался в соседнем от моего дома здании. А там на беговой дорожке битый час наматывала круги, стараясь не думать, не анализировать и не вспоминать.

Да только ничего не помогло!

Глубоко за полночь, уже лёжа на разложенном диване, я всё бесконечно крутилась и поглядывала на коробку, а потом всё-таки сдалась и протянула к ней руки. Приоткрыла осторожно, а спустя несколько секунд всё-таки откинула крышку и заглянула внутрь.

Это был комплект нижнего белья очень дорогой, премиальной марки. Я о таком могла только мечтать, так как не привыкла выкидывать столь сумасшедшие суммы за пару тесемок и кусок кружева. Но это...

Дотронулась пальцами до бретельки бюстгалтера и подняла его в руках, чтобы лучше рассмотреть и охнула, любясь неоспоримой красотой и качеством исполнения. Дальше выудила и трусики, а затем и пояс для чулок. И всё вместе это составляло потрясающий комплект, обещающий быть воплощением изощрённого соблазна: изящные лямки, мягкие чашки из тюля с кружевной отделкой и цветочным узором, ажурная спинка и воздушная оторочка. Идеальный и точь-в-точь по моей фигуре.

Ну надо же...

Хмыкнула и ещё раз заглянула в коробку, замечая там ещё кое-что, а именно прямоугольник картона, исписанный размашистым, угловатым почерком:

«Кажется, я остался тебе должен, Таня. Надеюсь, что я всё правильно запомнил и с размером не ошибся».

Какой позор!

Зарычала и тут же скинула с кровати невесомое белье и несчастную карточку, словно мерзких тараканов, а затем вырубил свет и приказала себе спать.

Спать!

И не думать, как бы соблазнительно я выглядела бы в этом белье. Стыдно, Таня, очень стыдно! Не надо так!!!

Ох, чёрт, не получается. Ладно! Я дорисую эту картинку: рядом со мной не Марк, ох, нет, нет, нет... А вот, например, какой-нибудь Бред Питт, ну или там Том Харди. Вот, так-то лучше!

И с этими блаженными мыслями я и уснула, а утром проснулась бодрая и настроенная на позитивный лад. И плевать я хотела, что по квартире раскидано чертово бельё. Я его соберу и перед работой весело закину в мусорный бак.

Ну или после работы. Или на выходных. Как получится, ещё я время специально на всякие там тряпки не тратила.

Но уже на обеденном перерыве о лёгкости пришлось забыть, потому что мой телефон неожиданно подал сигнал входящего сообщения. Глянула на экран и подавилась салатным листом.

Какого художника ему от меня надо?

Хан: «Татьяна?»

Пожевала губу и с выпученными глазами оглянулась по сторонам. Но медлить было как-то нельзя, ибо этот гад гадский всё-таки на минуточку мой начальник.

Я: «Я вас слушаю, Марк Германович?».

Хан: «Я все ещё жду отчет».

Отчет? Какой отчет? Он что бредит? Открыла сумку и выудила из неё записную книжку, а затем принялась неистово выискивать в ней записи по поводу хоть какого-то мало-мальского отчета, который может ждать от меня этот бесовестный и наглый человек. И ничего. По нулям!

Я: «Простите, но вы мне не напомните о каком отчете идёт речь?»

Хан: «Ошибся ли я с размером или нет?»

Сволочь!

Подскочила на ноги и, чтобы не закричать, прижала ладонь ко рту. Мысленно прооралась и только потом снова усе-
лась за своё место, игнорируя потрясённые взгляды людей,
что обедали рядом со мной. А потом прикрыла глаза, мед-
ленно выдохнула и принялась строчить ответ с мстительной
улыбкой на губах.

*Я: «Не ошиблись, Марк Германович. Мой любовник оценил
ваш подарок. Спасибо вам!».*

Выкуси, сволочь ползучая!

Глава 3 – О том, как кое-кто потерял совесть...

Таня

Знаете? Вообще-то я рассчитывала, что этот похотливый неандерталец хоть что-то ещё мне напишет, но...

Нифига!

Ни строчки!

Даже смайлика убогого не прислал. Собака сутулая!

А я так раздраконилась, ух! Даже пальцы загудели написать ему нечто такое провокационное и бесящее, чтобы у него кровь из глаз хлынула, глядя на мои письма. И так облом.

Сволочь. Что тут можно сказать?

И весь остаток дня я ходила дёрганная и нервная. До такой степени, что допустила несколько ошибок в работе, и пришлось все переделывать. Но на телефон я продолжала подозрительно коситься и ждать, что начальник всё-таки даст о себе знать. Ну, а как нет?

Кто бы смолчал в такой ситуации? Вот! Никто.

А этот... бракованный какой-то попался.

Ну и ладно. Подняла руку и резко опустила. Что у меня дел важных что ли нет, об этом мужике придурочном думать всё время? Есть!

И погрузилась в свои графики, таблицы, циферки.

Правда, сладкая жизнь длилась недолго. И уже в четверг первый зам моего босса объявил, что после обеда будет онлайн-совещание аж с самим Ханом. Присутствовать надо всем.

Конечно, я приуныла. А потом долго рассматривала себя в маленькое карманное зеркальце, без конца поправляя и без того идеальный нюдовый, офисный макияж. Одёрнула безупречно отутюженную блузку и привычным движением смахнула с пиджака несуществующие пылинки. Вздохнула. Вроде нормально, не за что упрекнуть.

Вот только волновалась я абсолютно напрасно. Все сотрудники отдела собрались в переговорной и смиренно дожидались, пока на большом экране появится изображение нашего руководителя. А уж когда это произошло, я будто бы с ноги получила смачный пинок в живот.

Потому что его стальной взгляд всего лишь за одно мгновение прожёл меня насквозь.

И воспоминания снова хлынули взрывной волной. Неуместные и порочные. Заставляющие меня стыдливо поджать ноги под стулом и, потупив взор, поправить выбившуюся из причёски прядку дрожащими пальцами.

Нужно просто взять себя в руки. Дело-то простое. Не смотреть ему в глаза. Не разглядывать пухлые губы. Не медитировать на его длинные, музыкальные пальцы, которые лениво крутят в руках дорогую шариковую ручку.

Только работа. Только хардкор.

И понеслось.

Хан гонял подчиненных и в хвост, и в гриву. Кому-то везло, и его слушали молча, а кому-то не очень, и он выхватывал от Марка Германовича по первое число. И, казалось бы, идеальный доклад превращался в филькину грамоту, когда суровый руководитель указывал на невидимые для всех огрехи. И пружина ожидания внутри меня скручивалась все сильнее и сильнее. И я уже не была уверена в том, что и моя работа выполнена на высший балл.

Вот сейчас он дойдёт до меня, и мне крышка. Растопчет! Закатает в асфальт!

Но время шло, а Хан так и не назвал моё имя, а потом и вовсе нарезал всем новых задач, попрощался и отключился. А я, прибалдевшая и дезориентированная, осталась сидеть на своём стуле и недоуменно хлопать глазами.

Что? А как же я?

И холодок страха прокатился по позвоночнику.

А что, если это точка? Что если Хан вернётся из командировки и укажет мне на дверь? Что тогда?

Нет, он, конечно, гадский гад и всё такое, но... у меня неподъёмный кредит, и мне никак нельзя сейчас остаться без места. Вообще никак!

И вот тут я конкретно так скисла. Села за своё рабочее место и в панике оглянулась по сторонам, а потом взяла телефон и набрала номер лучшего друга и единственного че-

ловека, который мог бы мне помочь. Два бесконечно долгих гудка, а потом трубку на том конце провода взяли:

– Привет, Тань.

– Привет, Стас.

– Ты поболтать или по делу? Если первое, то давай чуть позже созвонимся, у меня тут аврал.

– Я по делу.

– Ага, слушаю тогда.

– Меня, кажется, увольняют.

– Гандон штопанный, - зарычал в трубку друг, всё понимая с полуслова, и я улыбнулась, - надо было ему еще в школе харю начистить. Чё этому самородку опять не так?

– Стас, это сейчас уже не важно, - замялась я, - просто скажи, что мне делать? Я, чтобы себя выкупить у Иванчука, деньги в банке взяла. Много денег, Стас.

– Сколько?

– Мне работа нужна, а не подачка, - тяжело вздохнула и нахмурилась.

– Ко мне пойдешь?

– А ничего лучше нет? – усмехнулась я.

– Есть, – рассмеялся в трубку друг, – я у Толмацкого поспрашиваю, такие спецы, как ты, на вес золота, и угрозы твоего Иванчука – всего лишь пук в никуда.

– Из-за этих угроз мне отказали в «Синко» и «Цитадели».

– Надо было сразу к нам идти.

– Куда к вам? У вас совершенно другой профиль. Ну и я

хотела сама со своими проблемами разобраться, Стас. Да и работа в «Лабра» мне казалась мечтой, – пожала плечами, – я знать не знала, что было поглощение, и теперь мне светит работать под Ханом! В противном случае я бы никогда на эту должность не согласилась. Сам же знаешь.

– Ладно, Тань, найдём мы тебе работу. Может, не по твоей специальности, но хотя бы что-то рядом. Идёт?

– Спасибо!

– Не за что, подруга. И... не дожидайся от Хана действий, сама заявление напиши.

– Не могу. У меня контракт.

– Фак!

На этой минорной ноте мы и закончили разговор, а затем я начала планомерно себя накручивать. Пыталась держать хвост пистолетом, но факты упрямо говорили сами за себя. Марку Хану не отказывают, а если осмеливаются, то тут же идут на все четыре стороны.

И так меня все эти думы доконали, что решила я поплакаться в надёжную жилетку своей доброй подруги. И в пятницу по дороге из офиса домой я позвонила Нинке и пригласила её к себе, дабы героически утопиться в бутылке с белым полусладким. Ковалёва не отказала, быстро согласилась с огромным энтузиазмом, пообещав по пути прихватить несколько порций суши.

И принялась я её ждать, планомерно вытаптывая дорожку по собственному ковру. Туда-сюда-обратно, цепляясь взгля-

дом за злополучный, но прекрасный комплект нижнего белья.

«А вот и примерю!», – проскользнуло у меня в голове.

Пусть это будет компенсация за поруганные честь и достоинство. А ещё потерянное место и увольнение так не кстати.

И руки потянулись к коробке с красным бантом, а потом выудили из неё чёрное кружево.

Облачилась в него поспешно и замерла перед зеркалом, прикусив губу от изумления.

– Вот это красота! – охнула я и покрутилась, рассматривая чертовски эротичное одеяние.

Но неожиданно замерла, услышав звонок в дверь.

Нинка? Что-то она быстро!

Накинула на плечи лёгкий шелковый халатик и поспешила открыть подруге, радостно улыбаясь и приговаривая:

– Ох, как же я тебя ждала!

Но, увидев того, кто стоит за порогом, я тут же осеклась и выпала в нерастворимый осадок.

Увольнять пришёл?

Перевела взгляд на его руки и нахмурилась.

Не думаю...

– Здравсьте, – выдыхаю я и судорожно стягиваю полы халатика на груди. Чувствую себя жутко неудобно, потому что я, считайте, в negligé, а он как всегда в идеально сидящем на нём костюме и белоснежной рубашке.

– Привет, Тань, – мой босс наклоняет голову сильно на

бок и исподлбья начинает сканировать меня своим стальным взглядом.

– А вы как... тут?

– Что? Что я делаю на твоём пороге? – усмехается.

Способна только кивнуть в ответ и ещё плотнее стягиваю под шеей чёртов халат, заодно скрещивая ноги.

– Да ты знаешь, просто мимо проезжал и решил заехать, с любовником твоим познакомиться.

– М-м-м, - тяну и сглатываю, - поэтому и вино прихвати-ли?

– Оу, – поднимает тот бутылку и придирчиво разглядывает этикетку, – ну, а как иначе?

– Цветы тоже моему любовнику дарить собираетесь? – прищурилась я.

– Нет, это уже тебе. В гости к даме и с пустыми руками? Ну ты за кого меня принимаешь, Тань? – и медленно растягивает губы в соблазнительной улыбке. Хан это умеет. Хан в таком – мастер.

Когда-то я за эту улыбку отдала бы все, что у меня есть...

– Я вас в гости не приглашала, – облизываю губы и призываю себя сохранять спокойствие, но меня, тем не менее, начинает не хило так потряхивать.

И внутри грудной клетки беспокойно и истошно забабахало сердце.

– Это ты очень зря, Тань, – и вдруг сделал шаг ближе, но я тут же схватилась за ручку и угрожающе прикрыла дверь.

– Не приглашала! - по слогам и чуть громче повторила я.

– Так пригласи, делов-то, – Хан чуть развёл руки в стороны, мол, я болтаю какую-то словесную диарею.

– Не хочу.

– А я хочу.

– Да? – ошалела я от такой наглости.

– Очень. За месяц чуть не тронулся, Тань, – и максимально откровенно облизал меня взглядом.

– Перестаньте молоть чушь!

– На тебе то самое бельё, так? – облокотился он рукой о косяк и ещё ближе подался в мою сторону, пока я в шоке пыталась переварить происходящее.

– Не вашего ума дело! – выпалила и тут же захлопнула перед его носом дверь, в ужасе округляя глаза от собственной выходки.

М-да. Слабоумие и отвага как они есть.

Молодец, Танька! Садись – пять!

Стук в дверь, и приглушенный мужской голос врывается в мои истерзанные мозги.

– Тань, ну что за детский сад?

– Ясельная группа! – саркастически цежу я и стискиваю кулаки. – Зато теперь понятно, почему вам нужно по несколько раз повторять очевидные вещи, Марк Германович.

– И какие же?

– Вам тут не рады!

Резкий и хлёсткий удар в дверь, и тут же слышатся удаляющиеся шаги по лестничным пролетам. Всего несколько минут, и всё стихло.

Как будто бы Марка Хана никогда тут и не было. Иллюзия? Но какая горькая, правда?

Привалилась облегчённо к двери и сползла по ней вниз, а потом закрыла горящее лицо ладонями и в цвет выругалась. Забористо. Трехэтажно.

Ну, это надо же? Припёрся ко мне! С вином! Хочет он, видите ли! Аж целый месяц терпел бедняга малохолный! И как не двинуть копыта от такого счастья, ну правда же?

А-а-а!!! Бесит!

Но через пару мгновений очередной звонок в дверь оглушает мои перепонки. Никак не уgomонится несчастный!

– Да какого чёрта тебе надо? – ору я и вскакиваю на ноги.

– Ну, Тань, ты ж сама меня позвала, – слышу я недоумённый голос подруги.

– Ой, – проворачиваю замок и распахиваю дверь, а потом недоверчиво кошусь на то, с чем она ко мне пожаловала.

– Тань, ты чего? – подозрительно косится на меня Ковалёва.

– Ты где это взяла? – киваю я на букет и бутылку вина, которые ещё совсем недавно держал в руках Хан.

– Ой, подруга! – растягивает гласные Нинка и закатывает в апофеозе глаза.

– Ковалёва! – рычу я.

– Я сейчас такого мужика на твоём крыльце встретила, Тань! Ну просто умереть – не встать! Стопроцентный Бог! Глаза – во, губы – ах, тело – полный улёт. Я такому даже на первом свидании дала бы, каюсь!

– Да что ты говоришь? – прищурилась я.

– Да, Сажина. Но! Были и минусы.

– И какие же? – ошалело спросила я, сама не зная почему.

– Матерился как сапожник.

– М-м...

– А потом улыбнулся мне как сущий ангел во плоти и вручил вот это, – подруга протянула мне букет и бутылку итальянского Пьер Совиньон.

– Дура ты, Нинка, – приняла я ношу из её рук и двинула к кухонной зоне, чтобы уже водрузить пресловутые алые розы в трёхлитровую банку.

Вазы у меня отродясь не было.

– Это ещё почему? – следовала по моим пятам Ковалёва.

– Потому что это был Хан, – пожала я плечами.

– Что? – заорала подруга, но я ждала подобной реакции и потому даже не вздрогнула.

– Я говорю, что это был...

– Да слышала я! – фыркнула подруга и закатила глаза. – А знаешь, нифига он не красивый, Танька. Я резко передумала.

– Да?

– Да! Губы слишком пухлые, и глаза у него слишком... э-

э-э...слишком серые.

– Слишком серые? – прыснула я и рассмеялась.

– Да! Мышиные! Вот!

– Ну все ясно, – хохотала я между словами.

– Как белый день! Вино выпьем, а цветы давай выбросим от греха подальше, нечего от всяких мышиных королей венники подбирать. Погоди! А он к тебе приходил со всем этим, да?

– Угу, – поковыряла я несуществующую трещинку на столешнице.

– Он что, совсем совесть потерял?

– Угу, – снова кивнула.

– А ты что, дала ему повод потерять эту совесть, Танька?
– недовольно упёрла руки в бока Нинка.

– Блин!

Простонала я, понимая, что попала на рассказ как никогда...

Глава 4 – О том, как кое-кто ошалел...

Таня

– Не хочешь мне рассказывать, да? – обиженно протянула Нина и стрельнула в меня глазами исподлобья. С упрёком, будто бы я упала в ее глазах ниже плинтуса.

Да чего уж говорить? Я и в своих глазах давно пробила дно.

– Нин, да как такое расскажешь?

– Очень просто. Открываешь рот и начинаешь болтать всё с самого начала.

– Всё с самого начала ты знаешь, – повернулась я и сложила руки на груди.

– Да, знаю, Тань. Типа как твой Хан тебя терпеть не может, рычит на тебя, словно дикое животное, и, вообще, пытается сожрать со всеми потрохами. Так?

О, да! Так!

И тут же низ живота неожиданно и сильно скрутило жарким и острым спазмом. И всё только потому, что я вдруг вспомнила, как он действительно рычал на меня, стоя между моих разведённых ног, и пытался реально сожрать, набрасываясь на мой рот.

Похотливое чудовище!

– Мы целовались, – тихо прошептала я, зажмурившись. А за рёбрами начал разрастаться ядерный гриб из воспоминаний.

Целовались? Разве подходит это жалкое слово для описания того, что со мной делал Хан? Нет. Определенно нет!

– О, да неужели?

– Я этого не хотела, – зашипела я и нервно принялась расхаживать туда-сюда вдоль кухонного уголка.

– Конечно, нет.

– Но он так неожиданно набросился на меня!

– Когда?

– В прошлую пятницу.

– Ага! А я думаю, чего это ты вдруг тогда пижамкой озадачилась, – подпёрла кулаком подбородок Ковалёва, и я виновато на неё посмотрела, – что, засосы понаставил, да?

– Трусы с меня стащил, представляешь? – прижала я ладони к горящим щекам.

– Боги! Да я бы сама из трусов выпрыгнула, если бы этот твой Хан на меня набросился!

– Нина! – рявкнула я.

– Да шучу я, – отмахнулась девушка, и я скептически покачала головой.

– Бесстыжая!

– А сама-то? Конспираторша хренова!

– Я просто постеснялась тебе о таком рассказывать! – взмахнула руками.

– И что? Сейчас твой Хан приходил за добавкой, или ему одних твоих трусов в трофейной коллекции показалось мало? – рассмеялась в голос Нинка.

– Ну сама же видишь, – стухла я и кивнула на бутылку вина.

– М-да, ну такое...

– А я, знаешь ли, не удивлена. Где я, а где этот мажор, м-м? Девочка из гетто и мальчик с Рублёвки...

– Тань...

– Видимо, я только такого и достойна, по его мнению, чтобы меня нагнуть на офисном столе или в квартире без лишних сантиментов и расшаркиваний, – и мне пришлось до боли прикусить щёку изнутри.

И ведь вроде бы закалилась характером, а до сих пор больно...

– Он нравится тебе? – спустя минуту молчания вдруг спросила Нина.

– Он красив, – пожала я плечами.

– Бред Питт тоже красив, – фыркнула подруга, – но я тебя не об этом спрашиваю.

– Нет, – уверенно выдала я, – у Хана отвратительный характер, а еще удивительная способность меня бесить. Никакая сногшибательная и трусикоувлажнительная внешность не перекроет эти недостатки.

– Ну тогда забудем этого гада и выпьем его вино. Кстати, отличный Пьер Совиньон! – откупорила Ковалёва бутылку

и приняхалась к винному аромату.

И мы забыли. Выкинули из головы Хана и его наглые и совершенно беспардонные телодвижения, много смеялись и разговаривали, делились планами на будущее и даже спланировали путешествие на море в сентябре.

Девочки...

Вот только намного после и глубоко за полночь Нинка уснула сразу, а я еще долго перебирала в мыслях то, что произошло до прихода подруги. И ранее. Когда я была усажена на рабочий стол Хана.

Пришлось закусить костяшки пальцев. Сильно. Потому что реакции моего тела меня откровенно пугали. Но я предпочла списать всё на исключительный фасад своего босса. Хан, он был как...

Хан!

Понимаете?

Так и уснула в раздрае...

Встали только к обеду, а потом отправились бегать в парк, что был расположен у меня за домом. Я для общей профилактики, а Нина всё пыталась вернуть себе былые стройные формы. Зачем? Я не знаю. Мне она и пышкой нравилась неимоверно. Я продолжала верить, что в человеке главное – душа, а не внешняя оболочка. Нина была прекрасна и изнутри, и снаружи.

После мы попрощались, и каждая отправилась в свою одинокую квартиру. Нинку это парило. Я привыкла. Главное,

что за стенкой больше никто не бухал, не ругался матом и не грозился устроить мне порку. Увы, но призраки моего уродливого детства преследовали меня и по сей день...

И всё бы ничего, но рабочий понедельник неумолимо приближался. А потом и наступил неожиданно и бесповоротно. Проснулась уже на диком мандраже, но перед смертью, как говорится, не надышишься.

Белая блузка. Чёрные брюки-дудочки. Экстремальный каблук. Причёска – волосок к волоску. И идеальный нюдовый макияж. Образ бизнес-леди – мой щит. Я не позволю его пробить ни одному столичному мажору с веником в руках и бутылкой дорогого вина наперевес.

У меня другие планы на эту жизнь.

Итак, девять пятнадцать утра. Привычная утренняя летучка, к которой я готова как никогда. Марк Германович как всегда в ударе, разве что только огонь не изрыгает, а так – стопроцентный дракон. Планомерно заворачивает отчеты, тукая своих подчинённых в их ошибки, как вредных насекомых. Жду, когда и мне дадут слово, но этого не происходит. Я снова в пролёте, просто отсидела повинность, и меня это начинает не на шутку вымораживать.

Какого чёрта?

Вот и время истекло.

– На сегодня всё, – даёт отмашку Хан, жестом разрешая покинуть переговорочную, – расходимся.

А затем обваривает меня всего лишь одним предложением.

– Татьяну Сажину попрошу остаться.

Не успев встать со стула, откидываюсь на спинку, а потом с замиранием сердца смотрю на то, как мои коллеги стремительно покидают переговорную комнату.

Звездец!

– Тань, по «Крипто-Про» всё готово у тебя?

– Да, – настороженно выдыхаю я.

– Тогда отчитаешься после обеда. Сейчас уже нет времени слушать, у меня встреча с Райским.

– Да. Как скажете, – киваю.

– Да. Как скажу, – прилетает мне в ответ, и меня обваривает его взглядом. Там столько всего. Обещание. Угроза. Предостережение.

Опять игры? Боже, я не вывожу...

Но захлебнуться паникой не успеваю, так как Хан тут же стремительно покидает замкнутое помещение, в котором, кажется, уже молнии сверкают от напряжения.

Чёрт!

А я остаюсь сидеть. И трястись от предстоящей с ним встречи. Потому что я слишком хорошо помню, чем кончилось наше последнее совещание наедине. Может, уйти на больничный? Или начать выполнять свои обязанности столь скверно, чтобы Хан и правда уволил меня к чёртовой бабушке?

А что, идея!

И в этих терзаниях и сомнениях я варюсь ещё несколько часов, пока меня всё-таки не вызывают в кабинет моего босса. Заторможенно пялюсь в монитор и тяжело вздыхаю.

Бежать! Надо срочно бежать! Идти к нему нельзя! Просто нет и точка!

Но ноги уже несут меня в сторону его роскошного кабинета, а руки судорожно стискивают распечатки. Я уверена в них как никогда, но всё равно сердце истошно беснуется за рёбрами. Ох...

– Входите, Татьяна Юрьевна, Марк Германович уже вас ожидает, – натянуто улыбается мне секретарша Хана.

А, может, не надо?

Блин...

Осторожно, будто бы ступая по минному полю, я прохожу в просторный кабинет Хана. Здесь очень красиво и стильно, хоть и немного аскетично – блеск хромированного металла, благородное стекло, камень, древесина и несколько абстрактных картин. Но совершенно нет намека на личность того, кто здесь трудится. Ни рамок с фотографиями, ни памятных статуэток или еще что-то в этом же роде.

Совершенно обезличенное пространство и человек-загадка в нем. И этот человек не смотрит на меня прожигающе, как я могла бы себе предположить, а стоит у панорамного окна, спрятав руки в карманы дорогих брюк и глядит куда-то вдаль.

- Еще раз здравствуйте, Марк Германович.

- Привет, Тань, - как-то устало и безжизненно отвечает мне босс, но даже не поворачивается ко мне.

- Я тут с «Крипто-Про» как вы и просили.

- Да, давай. Начинай, - чуть дергает головой, и я усаживаюсь на краешек стула, прокашливаюсь и начинаю раскладывать перед собой распечатки.

Волнуюсь, как на экзамене, честное слово. Потому что экзаменатор - мой самый страшный кошмар. А еще в помещении слишком дурманяще пахнет его таким мужским и терпким ароматом. И я совершенно не понимаю чего хочу больше, вдохнуть полной грудью, чтобы накачать себя под завязку этим запахом или, наоборот, не дышать, чтобы не травить себе нервную систему.

Страшная дилемма.

- Я проанализировала их вводные и вот, что хотела бы предложить, - осторожно начала я, постепенно расслабляясь и переходя на деловой тон.

Я любила свою работу и делала ее хорошо. Это не пустое бахвальство, а простая констатация факта. Вот только с начальством мне все никак не везло. Но это лирика. Работаю с тем, что есть.

Но пока я увлеченно болтала, используя свои заготовки, Хан все так же, не шевелясь стоял у окна. И именно поэтому я рискнула уточнить.

- Марк Германович, вы меня слушаете?

- Да, Таня, я тебя слушаю, - словно робот выдал босс.
Отлично, блин...

И я принялась и дальше распинаться. Но неожиданно вздрогнула, когда увидела, что Хан все-таки повернулся и медленно двинулся к своему столу. Уселся, откинулся на спинку кресла и вперил в меня свой тяжелый, пронизывающий взгляд.

- Ну вот, собственно, и все, - подвела я итог под своих монологом.

- Дай посмотрю на цифры, - протянул руку, и я тут же вложила в нее свои распечатки.

И натянулась как струна, потому что только сейчас заметила, что костяшки пальцев у начальника сбиты до крови, а на левой брови вообще наклеен лейкопластырь.

Оу...

И на виске ссадина.

В аварию может попал? Х-м-м, а не все ли мне равно? Так-то да...

Но глаза отвести все равно не могла. Потому что эти детали от чего-то меня невероятно завораживали. Красивые мужские руки и лицо – это одно, а вот когда они со следами от будто бы знатной драки, м-м-м...

Есть в этом что-то первобытное, настоящее, нерафинированное. И сразу перед глазами плывет образ, где Хан размахивает своими кулачищами и пот бежит по его виску, а стальной пресс...

Срань Господня, Татьяна Юрьевна, тебя куда это понесло, а?

Сглотнула, поерзала на стуле, а потом вздрогнула от неожиданно тихой, но раздраженной реплики начальника:

- Да невозможно же так работать!

Ручку от себя отшвырнул, распечатки тоже и смотрит на меня так, будто бы я причина всех его страданий в этом грешном мире. А у меня аж сердце к горлу подскочило и заметалось там будто в припадке.

- Увольнять меня все-таки будете, да? – испуганно пискнула я.

- Увольнять? – нахмурился Хан, а потом вдруг усмехнулся, - Нет, Тань, не увольнять!

И вдруг резко поднялся со своего стула, подаваясь в мою сторону. Вскрикнула и тоже подскочила как ужаленная, убегая от него по кругу брифинг-приставки.

- Хотя нет. Уволю, если ты еще раз обратишься ко мне на «вы», - угрожающе зарычал и снова подался ко мне. Ну, а я от него, собственно.

- М-марк Г-германович...

- Иди сюда, - почти схватил меня за пиджак, но я успела увернуться.

- Ты...вы...ошалел...ли совсем?

- Да! Ошалел, Тань! Сюда иди, сказал!

- Зачем? – пискнула и навернула третий раз вокруг его стола.

- Надо!

Резкое изменение траектории. Рывок. И вот я уже стою, прижатая в углу к его сильному телу. Дышать совершенно не способна, только открываю рот как рыба и задыхаюсь, пока он просто стискивает меня в своих руках.

Поднимает одну ладонь и за шею будто бы приковывает меня к стене, а затем наклоняется и прикусывает нижнюю губу, буквально прожигая меня сталью своих глаз. Прикрывает веки, вдыхает полной грудью, и я замираю в ожидании того, как он набросится на меня.

- Нет, нет..., - шепчу я сбивчиво, чувствуя, что кровь в венах уже почти вскипела.

- И за это слово я тоже буду увольнять, Таня.

Его губы так близко. Еще чуть-чуть и будет короткое замыкание. Да куда уж там? Меня уже колошматит как ту Каштанку!

Ой, спасите! Помогите! Кто-нибудь, умоляю!!!

- Марк Германович, к вам Герман Адрианович. Говорит, что дело срочное, - вдруг оглушает нас голос секретарши Ха-на по внутренней связи, и мы оба вздрагиваем, а потом и смотрим друг на друга как душевнобольные.

Господи, это его отец что ли пожаловал? Ой, мамочки...

С писком пытаюсь выпутаться из его рук, но он не отпускает, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

- Тань!

- Пусти! Пусти немедленно! – но он не подчиняется и мне приходится со всей дури наступить ему на ногу острой шпилькой своей туфли, - Пусти, говорю!

Тут же слышу грязное ругательство, и я все-таки выпутываюсь из его хватки. И бегом к двери. И очень вовремя, так как именно в этот самый момент дверь в кабинет Хана открывается и на пороге появляется импозантный мужчина лет сорока пять максимум.

- Добрый день, - выдавливаю я из себя и все-таки выбегаю из чертового кабинета.

Вот только дух перевести не могу, потому что в спину мне прилетает угрожающее:

- Вечером поговорим, Тань!

Да уж вряд ли...

Глава 5 – О том, как мне вправили мозги...

Таня

Вылетаю из кабинета начальника как пуля из дула пистолета. Взмыленная. Взволнованная. И снова трясущаяся, как осиновый лист на ветру. Прямым ходом несусь в уборную, где запираюсь в свободной кабинке и прижимаю дрожащие ладони к горящим щекам.

О-о-о...

Это низ живота скрутила резкая и ослепляющая судорога, стоило мне только вспомнить, как белоснежные зубы моего босса прикусывали мою нижнюю губу. Дотрагиваюсь до неё пальчиками и судорожно выдыхаю.

Неужели? Неужели я опять вляпалась в это дерьмо?

Нет! О, нет!

Но реакции моего тела выдают меня с головой. Слишком очевидно. Слишком...

Я опять словно придурковатая бабочка и лечу на его свет. А он даже не сделал ничего. Просто потискал меня разок на рабочем столе и вот сейчас у стены. И всё. Тушите свет! Коленки подрагивают, кровь бурлит, и вся я наполнена таким диким напряжением.

Бесстыжая слабая женщина!

И что мне теперь делать? Если он будет продолжать в том же духе, то я просто уступлю его натиску, а потом сожру сама себя за малодушие! Так и будет!

Выбегаю из туалета и лечу к своему столу, где под кипой бумаг нахожу мобильный телефон. Тут же отыскиваю в телефонной книге номер лучшего друга и набираю, томительно прислушиваясь к длинным гудкам.

– Привет, Тань.

– Привет, Стас.

– Ну что, уволили тебя?

– Хуже, – бормочу я и отхожу подальше, чтобы никто не подслушал наш разговор.

– Оу...

– Что мне делать? – почти с отчаянием выдохнула я и во-прос.

– Ну... тут смотря, чего тебе хочется.

– Не смешно.

– Ладно, давай это не по телефону обсудим. Заеду за тобой после работы. Ко мне махнём, Аринка будет рада тебя видеть.

– А ты мне не наваливаешь? – с сомнением протянула я.

– Ну так утрясли же, Тань. Ну что опять начинается?

– Просто я до сих пор не могу привыкнуть, что вы вместе.

И что наша королева красоты выбрала тебя дурака.

– Ха-ха...

– Ладно, я буду тебя ждать, коль не шутишь. Очень-очень

ждать, Стас.

– Другое дело. До встречи, подруга.

И до конца рабочего дня я сидела как на иголках, посматривая в сторону кабинета дорогого начальника. Видела, как он выходил со своим отцом, а потом вернулся, проходя мимо моего стола. Чуть задержался и выдал так, что слышала только я одна.

– Вечером, Тань.

Да щас, ага. Бегу, волосы назад...

Отвела глаза, чувствуя, как от его пристального взгляда по коже неумолимо ползёт краска. И за рёбрами полумёртвое от перенапряжения поскуливало сердце. Куда ему глупому было тягаться против этих нахальных стальных глаз и рук, что так уверенно курсировали по моему телу.

Зачем он завёл эту непонятную мне игру? Мне намного больше нравилась та, где мы ненавидели друг друга. А теперь вот, что мне делать? Как пережить ещё одиннадцать месяцев рядом с ним?

Столько вопросов и ни одного ответа. Хоть стреляйся, а-а-а...

Но только часы пробили шесть вечера, как я тут же сорвалась с места, заталкивая в сумку свои вещи. А потом в ужасе вздрогнула, потому что из своего кабинета в огромный опенспейс вышел Хан и, прищурившись, поманил меня указательным пальцем к себе.

Ага, а то я дура набитая!

Развернулась и торопливо припустила в сторону лифтов, проталкиваясь сквозь уже приличную толпу народа. Если не успею втиснуться в кабинку сейчас, то мне крышка. И нижнему белью, что сейчас на мне надето, тоже. Вангую!

Оглянулась и пискнула от паники.

Ой-ой, мамочки! Мой босс, сурово насупив брови, попёрся за мной, лавируя между своими подчинёнными. Ещё немного, и он схватит меня за шкурку, а потом потащит в свой кабинет. А там...

И от этой мысли я буквально подпрыгнула на месте, а потом каким-то чудом просочилась в уже закрывающуюся лифтовую кабину, забитую почти под завязку. Мгновение, и двери закрываются, отделяя меня от Хана и его глаз, что сверкали недовольными искрами.

Несколько десятков этажей вниз, и я вывалилась наружу, порывисто пробираясь к выходу из офисного здания. Выбегаю на улицу и несусь к стихийной парковке у самой дороги, но знакомой красной Теслы не вижу и начинаю дико нервничать.

Мне нужно убираться отсюда! Немедленно!

Вытаскиваю телефон из сумочки и набираю номер Гордева. Тот отвечает сразу же:

– Я на подъезде.

– Блин, у меня хвост. Давай быстрее.

– Отрубим твой хвост, не ссы!

И отбивает звонок, а я оглядываюсь. А затем в ужасе

делаю шаг назад. Ко мне приближается Хан. Неторопливо. Уверенно. Решительно.

– В догонялки будем играть, да, Тань? – подходит ближе и засовывает руки в карманы брюк.

– Если говорить откровенно, то мне бы не хотелось вообще играть с вами в игры, Марк Германович, – выпаливаю я.

– Какая потрясающая ложь, – усмехается.

– Какое поразительное эго, – качаю я головой.

– Поужинаем?

– Нет.

– Перейдём сразу к десерту?

– Не хочу повторяться, но...

– Да перестань, – пытается перехватить мою руку, но я снова отступаю от него, а потом слышу до боли знакомый голос.

Спаситель мой!

Стасичка!

– Тань!

Оборачиваюсь и улыбаюсь ему во все свои тридцать два зуба. Счастлива до безумия. А он стоит, привалившись бедром к своей красной ракете, и улыбается мне в ответ.

– Прыгай, детка! – кивает Стас на пассажирское место, и я тут же делаю так, как он говорит.

– Гордеев, – цедит за моей спиной мой босс.

– Хан, – чуть склоняет голову Стас и насмешливо поиг-

рывает бровями.

А я сажусь в салон и пристёгиваюсь, стараясь не смотреть в сторону своего начальника. Но не выдерживаю. Он смотрит нам вслед до тех пор, пока мы не скрываемся из виду.

– Спасибо, – шепчу я другу облегчённо.

– Пожалуйста...

Вот только почему мне кажется, что я устроила себе ещё большие проблемы?

– Ну ты чего там притихла?

– Мандражирую, – едва слышно выдыхаю я.

– Эмоции или чувства?

– Блин! Ну вот зачем ты так сразу в лоб, а? – вскидываю я руки.

– Отвечай.

– Не знаю, всё сложно, – выдыхаю я напряжение и отворачиваюсь, разглядывая наводнённые улочки столицы.

– Ладно, отстал. Пусть Аринка тебя разматывает.

А я на это заявление только фыркнула, но сама уже через сорок минут сидела напротив девушки лучшего друга с пущатым бокалом красного сухого и плакалась ей о своей незавидной доле.

– Домогается.

– А ты что? – хлопает Арина своими голубыми, как небо, глазами.

– Сопровствляюсь.

– А он что?

– Настаивает.

– Ну, это Хан. Ничего нового, – пожимает девушка плечами и подливает нам бордового напитка.

– В смысле?

И Арина протяжно выдыхает, а потом садится передо мной за барную стойку, смотря пристально и очень внимательно.

– В прямом, – ведёт плечом и откусывает кусочек сыра с плесенью, – мы же с ним соседями были на Рублёвке. Жили через два дома друг от друга. Часто тусили в одной компании. Не дружили, но примелькались. И я знаю, каким он был вне стен «Золотой Лиги».

– И? – затаиваю я дыхание.

– И... Хан – бабник, Таня. Всегда им был и, скорее всего, им и остался. Ведь горбатого, как известно, могила исправит. Тем более такого, знаешь ли, стопроцентного и хрестоматийного гуляку.

– Байки из склепа травите, девочки? – появился Стас из душа в одних лишь домашних шортах без верха. Но я от его вида даже не смутилась. Он был другом, считайте, что братом.

И Арина это тоже, наконец-то, увидела. Только улыбнулась и вспыхнула, смотря на своего парня влюблёнными глазами. И как я раньше этого не видела?

– Ну не мешай, – шикнула я на парня и щедро отхлебнула из бокала.

– Ой-ой, простите, грешен, – приснул он и ушёл на просторный балкон, принимаясь забивать кальян.

– Продолжай, пожалуйста, – вскинула я на Арину глаза, умоляя её рассказать мне больше об этом загадочном человеке.

– Я не хочу тебя чем-то задеть или обидеть, – прикусила та губу.

– Этого не будет, – уверенно кивнула я.

– В общем... про то, что он к тебе яйца подкатывал, была в курсе вся школа, но никто не относился к этому слишком серьёзно, потому что Хан всегда был таким: понравилась девчонка – раз-два, и она уже гуляет с ним. Недолго, но всё же. И по новой. Он в посёлке с кем только не мутит, Тань.

– И тебя клеил? – решила спросить я.

– Нет, меня как-то не заметил, – улыбнулась блондинка и подмигнула мне, кивая в сторону балкона.

А-а-а, боялась, что Стасичка приревнует. Понятно.

– Ладно, – улыбнулась я, хотя внутри меня всё сжалось и скукожилось от этой неприглядной правды.

– Это ещё к вопросу: почему тебя Батурина вечно пресовала.

– Что? – недоумённо переспросила я.

– Ну, как? А ты до сих пор не врубилась? – развела руками Арина.

– Нет, – покачала я головой, и сердце сковала свинцовая тяжесть.

– Это он в школе корчил из себя Мистера-Мне-На-Всё-Насрать. А на Рублёвке в привычной среде Хан всё ещё юзал Кристинку. Все два года старшей школы, пока окружающие думали, что они расстались. А та дура влюблённая бежала за ним по первому его зову и выполняла всё, что тот ей скажет.

– Но...

– Как же так? – рассмеялась Толмацкая, а я конкретно сникла.

– Да...

– Он мудака, Тань. И всегда им был. И делал всё только в пределах своих интересов. Я не могу судить, что там происходило между вами, но могу сказать одно: когда он таскал тебе букеты, как минимум три или даже четыре девушки думали, что они в отношениях с Ханом.

– Звездец!

– И Батурина тоже так думала. Весь десятый и одиннадцатый класс она просто верила, что у них всё сложно. Вот и весь разговор.

– А Стелла? – напряжённо и боязно спросила я всё-таки.

– Оу...

– Говори, как есть.

– Стелла была не из нашего теста, если можно так сказать. Да, её мать тянула школу, но дальше дело не шло. Она пару раз появлялась в компании Батуриной, но не более.

– Она мне говорила, что Хан её клеил, – поджала я губы.

– Боже, – рассмеялась Арина, – скажи мне, кого этот ко-

бель не клеил?

И я вконец сникла, удручённо рассматривая вино в своём бокале.

– Так что же мне делать?

– Смотря, чего ты хочешь, Тань.

– А есть варианты?

– Есть! Мы не в каменном веке живём. И ты можешь просто хорошо провести время, если учитывать тот факт, что ты не купишься на его обаяние и не влюбишься в него.

– О, нет...

– В противном случае просто беги от него. Я бы точно бежала, Тань. Быстро и сверкая пятками.

– Да?

– Да, – утвердительно кивнула девушка.

– Мне некуда бежать, Ариш. У меня контракт. Ещё одиннадцать месяцев в «Лабра», иначе мне волчий билет в один конец и совершенно непосильная неустойка в спину.

– Дерьмо. Но мы можем тебе помочь. Сколько тебе надо, чтобы откупиться?

– Спасибо, но я сама, – понуро выдохнула я и снова отхлебнула из бокала, а потом вздрогнула, когда услышала голос друга.

– Дамы, трубка мира готова!

И мы ещё долго сидели, говорили о вечном, пили вино и курили кальян, а я всё не способна была выкинуть слова

Арины из своего воспалённого мозга. Каждое слово подруги било меня наотмашь. Резало кровоточащую плоть истерзанной души. А потом присыпала её солью.

Господи!

Но ведь я так хотела расшифровать этого человека, и вот, пожалуйста. Так что для меня не так?

Радоваться надо.

Предупреждён – значит, вооружен.

Вот только когда я легла спать в гостевой спальне спустя несколько часов, то не смогла сдержать того, что набурлило внутри меня.

И слёзы хлынули из глаз.

Горькие.

Он опять со мной играет, выворачивая мои чувства наизнанку.

Глава 6 – О том, как горько быть «галочкой» ...

Таня

Не выпалась совершенно.

Половину ночи крутила в голове события прошлого и настоящего. И, увы, пришла к довольно-таки неутешительным выводам: я всегда для Хана была лишь «галочкой». Ей я и осталась.

Не верить Арине у меня поводов не было. И каждое её слово в копилку полного портрета Марка и било меня по живому. Теперь многое стало простым и понятным. Наконец-то, пазл окончательно сложился в моей голове. Вот и сейчас ему просто захотелось.

Припекло.

Если бы я дала ему тогда вечером на столе, то, может бы, он и успокоился бы, а так...

Но что бы тогда от меня осталось, верно?

Забылась тяжёлым сном только под утро, а проснулась разбитая и потерянная всего через пару часов. Тенью двинула в душ, после наскоро высушилась, написала хозяевам записку с сердечными благодарностями и оставила её на видном месте. И вызвала такси до дома.

А там почти полчаса сидела и смотрела в одну точку, не

понимая, как и что я буду делать дальше. Как ему противиться? И что предпринимать, когда Хан пойдёт на таран?

Вешаться? Ха-ха...

Неторопливо собралась и навела красоту, облачаясь в белый брючный костюм. Если уж на душе траур, то пусть хоть визуально у меня будет всё хорошо. Красная помада, экстремально высокая шпилька и уверенный взгляд в будущее – вот то, что мне надо.

А Ханы? А Ханы пусть катятся лесом!

Вошла в офисное здание, поднялась на свой этаж и тут же попала в котёл. На меня пальцем указывала коллега, говоря при этом с курьером службы доставки. И в руках у парня была огромная корзина белоснежных орхидей наперевес с коробкой премиальных шоколадных конфет.

И сердце в груди заметалось, как в предсмертных конвульсиях, а по позвоночнику пробежала толпа сумасшедших мурашек. Это от босса? Чёрт, ну кто ещё мне станет дарить такие роскошные подарки?

Измором решил взять, собака сутулая. Ничего его не проймёт. Ни Стасы, ни Пети, ни Васи, чёрт возьми!

Прошла ближе и с отчаянием посмотрела на мальчишку в форменной робе.

– Татьяна Сажина? – с услужливой улыбкой на устах спросил тот.

– Угу, – кивнула я.

– Тогда это вам! – протянул мне цветы и шоколад, но в

руки я брать их не стала, а только указала ему, куда поставить всё это безобразие, косясь подозрительно в сторону кабинета своего руководителя.

Неугомонное существо!

– Распишитесь вот здесь, пожалуйста, – и я тут же поставила автограф, куда сказано. – Ага, спасибо! Всего доброго! – И мальчишка откланялся, а я так и осталась стоять на месте и недовольно смотреть на букет.

Добился всё-таки своего, гад настойчивый. Не сам, так через курьера всучил мне цветы.

Красивые, зараза! И ни в чём не виноватые. Но так хотелось швырнуть их в урну, что аж руки зачесались. Но не стала этого делать. Не опустилась до такого демонстративного шага. Просто отставила веник и конфеты на край стола и предпочла о них забыть, полностью сосредотачиваясь на своей работе.

Но уже через полчаса вздрогнула, так как рядом со мной остановился некто, кто пах как сам грех: порочно, остро, терпко...

Боже!

Вся покрылась ледяной коркой страха, но всё же подняла глаза на Хана. Стоит, руки в карманах и равнодушно созерцает подаренный им букет. Дотрагивается пальцами до нежного лепестка, а потом неожиданно недовольно поджимает губы и молча уходит в свой кабинет, оставляя меня растерянно смотреть ему вслед.

Ай, да не всё ли мне равно, что там в голове у этого похотливого самца? Так-то и да, всё равно!

Но после обеденного перерыва на мою голову снова выпадает очередное испытание сокрушительными эмоциями.

Совещание. И мне всё-таки дают сказать своё слово. Выпаливаю всё как на духу, но неожиданно в ответ получаю лишь сухой кивок. А дальше внимание босса тут же смещается с меня на другого подчинённого. Вот так, удивительное дело, и, наверное, тогда посреди лета пойдёт снег, потому что такого никогда не было, чтобы Хан выслушал и остался всем доволен.

Никогда, слышите?

И пока я потрясённо мандражирую на своём стуле, совещание подходит к концу, а коллеги гуськом тянутся на выход друг за другом. И только я мешкаю, и торопливо следую за ними самой последней, но неожиданно врастаю в пол от голоса начальника, обращённого ко мне.

– От кого цветы?

– Простите? – недоумённо гляжу я на него.

– От Стасички? – ухмыляется и поднимает на меня глаза, полные бесконечного недовольства.

– Не могу понять вашего настойчивого интереса, Марк Германович, – вопросительно приподнимаю брови ижимаю плечами, не в силах разгадать его шарады.

– Свободна, – отмахивается вдруг тот, и я пулей вылетаю из переговорной, притормаживая только возле своего стола.

А там принимаюсь выискивать среди прекрасных бутонов карточку отправителя. И нахожу её!

Стремительно разворачиваю и почти в голос чертыхаюсь. Вот же... а-р-р-р!!!

«Передавай привет Хану, дорогая! И, да, скушай шоколадку, поднимай концентрацию эндорфинов в крови, цветы и пахни назло этому кобелю. Целую, Арина».

Звезде-е-ец!!!

Рухнула в кресло и устало прикрыла глаза.

Ну, что за жизнь? Босс без тормозов, так еще и друзья садисты. Мне же с этим тираном еще работать надо было дальше почти целый год, а они воду мутят. Эх...

Не выдержала, взяла в руки телефон и набрала Толмацкой:

- Если ты звонишь меня поблагодарить, то не стоит, - довольная, как слон, тянет в трубку подруга, а я только закатываю глаза.

- Ну вот нафига, Ариш?

- По мне так славный пистончик для Марка Гадовича не помешает, чтобы знал, что нашу Таню есть кому защитить, - поучительным тоном, словно учительница, вещала девушка.

- Уж не знаю, каков был план, но пистончик только что прилетел мне, а не ему, - недовольно буркнула я и покосилась в сторону кабинета начальника.

- Ой, как славно, - рассмеялась в трубку подруга и я усомнилась в ее психическом здоровье.

- Больше так не делай, - прервала я ее неоправданное веселье.

- Хорошо. Я – не буду!

- Э-э-э...

- Все, пока-пока, Танюш, - и отключилась, паразитка такая.

А я только затравленно втянула голову в плечи и оглянулась по сторонам. Благо, что никто не обращал на меня внимания, да и отдел наш был в большинстве своем молодой. Цветы – на столе у девушки далеко не редкость. Вот и я сильно не отсвечивала.

Но под конец дня так эмоционально вымоталась, что все-таки открыла коробку с конфетами и взяла себе одну, тут же закидывая ее в рот. И даже глаза закрыла от блаженства.

Это было божественно – молочный шоколад, нежнейшее пралине и марципан. Да, концентрация эндорфинов в крови резко подросла. Сейчас съем еще одну и вообще хорошо будет.

Но стоило мне только открыть глаза, как я тут же встретила с предельно недовольным взглядом Хана. Он вышел из своего кабинета с каким-то седовласым мужчиной, который что-то говорил Марку, но тот только кивал и полировал меня своей неприязнью.

Б-р-р!

Срочно конфетку!

Подхватила еще одну и демонстративно закинула ее в рот,

улыбнулась и уткнулась в свой компьютер. Так-то! У меня тут своя атмосфера и в ней нет места всяким напыщенным и похотливым мужикам.

И вообще, как он мог мне когда-то нравиться?

Да, смазливый, спору нет. Тело еще это как у живого Бога. Но ведь ужасно заносчивый, вечно всем недовольный засра-нец, не принимающий отказов.

Ну что я могу сказать? Была дурой, обещаю исправиться.

На такой минорной ноте и закончился мой рабочий день, а затем я отправилась домой, чтобы хорошенечко отмокнуть в ванной с пеной и бокалом благородного Москато. И, знаете, все получилось, и я почти не вспоминала свои злоключения, представляя, что все у меня хорошо.

А если даже и нет, то обязательно будет!

Вот только и на следующий день легче не стало, а утром в офисе, у моего рабочего стола меня дожидался все тот же курьер, что был и вчера. На этот раз он держал в руках коробку с розами цвета нежной пастели, золотым папоротником и сухоцветами. И еще одну коробку конфет.

Красиво, ничего не скажешь. Ну и кто на этот раз? Если опять Арина, то я ее придушу!

Приняла, расписалась и полезла за открыткой, приготавливаясь внутренне уже ругать самодеятельную подругу. Развернула и тихо чертыхнулась.

«Арине ты запретила раздавать пистончики, а мне нет. И не злись, лучшие съешь конфетку. Чмок. Твой Стасичка».

А-а-а!!!

Но, на удивление, начальник весь день ходил мимо, не обращая на меня совершенно никакого внимания. Просто по нулям. Будто бы ни то, что букета нет на моем столе, но и меня за ним тоже не наблюдается. Дела...

Но я только пожала плечами и предпочла возрадоваться, надеясь на то, что стратегия друзей подействовала и Хан наконец-то отвалил от меня.

Ага, три раза ага!

Буквально за час до конца рабочего дня на мой рабочий стол легла увесистая папка. Подняла глаза и вопросительно уставилась на секретаршу своего начальника. Та смотрела на меня с жалостью, но все же пояснила.

- Это правки по «Соло-ГК», Марк Германович попросил вас к завтрашнему обеду все подогнать и выслать корректный вариант ему на почту.

- К обеду? – задохнулась я.

- Да, - кивнула девушка и пожала плечами.

- Да там работы на несколько дней, - ужаснулась я, приоткрывая папку, словно она была ящиком Пандоры.

- Не могу ничем помочь, - развернулась секретарша и потопала в свой кабинет, а я осталась сидеть на своем месте, в полнейшей панике вцепившись в волосы.

Ну, гад!

Ну, погоди!

Скрипнула зубами, отодвинула в сторону свою текучку и

принялась за работу, перелопачивая тонны информации и подгоняя графики и таблицы под удобоваримый вид. И такое во мне росло возмущение!

Пока коллеги вставали со своих мест, пока покидали просторный опенспейс, пока за окном садилось за кривой горизонт августовское солнце. Пока сам биг-босс ровно в девять вечера наконец-то не покинул свой кабинет.

О, я его ждала! Потому что внутри меня, словно в жерле вулкана уже во всю бурлила лава. А при виде его довольной физиономии меня окончательно переключило и произошло извержение.

- Ах, какая смекалка, ум и сообразительность, - язвительно, но со смешком произнесла я, тем не менее, не отрываясь от монитора.

- Ты со мной разговариваешь?

- Нет, с тумбочкой, - огрызнулась я.

- М-м, ну ясно. Если не справляешься, то так и скажи, не надо выставлять меня самодуром, - медленно подошел к моему столу Хан и облокотился на перегородку, дотрагиваясь руками до нежных роз.

- Позвольте предупредить, смерть от разочарования ужасна мучительна, - фыркнула я.

- Что-ж, как знаешь. Значит, паши дальше. Все лучше, чем...

- Чем что? – подняла я на него глаза и почти тут же полу-

чила ментальный удар под дых.

Боже, ну почему он такой? Тако-о-о-ой!!!

- Чем влезать в чужие пары! – неожиданно рывкнул он и рассек воздух ладонью.

- Занятная шарада! Но простите, разгадывать ее не буду – очень занята, - и потрясла в воздухе папкой с «Соло-ГК».

- Дуру из себя перестань корчить, тебе не идет!

- М-м, еще что скажете?

- Думаешь, я не в курсе, что Гордеев живет с Толмацкой, м-м? Она вообще в курсах, что ты «детка», которой каждый день ее парень дарит цветочки с конфетками, – и я тут же сглотнула горький ком.

- Так вот вы, что обо мне подумали, - задохнулась я от обиды.

- А что не так? Это же ты трешься вокруг Стасика, как последняя дрянь!

- А что, надо вокруг вас тереться, Марк Германович? Тогда будет все в порядке и домой я буду уходить вовремя? Я права? – уже змеей шипела я.

- Таня, - угрожающе зарычал Хан.

- Ах, так значит я права. Ну, просто восторг! А что будет, когда я не соглашусь на ваши условия? Снова мне бабки предложите за благосклонность? Или вы уже пережили свои тупые юношеские порывы?

- Замолчи.

- А я не буду! - откинула от себя папку и встала на ноги, -

Рабочий день закончен, болтаю, что хочу. И вообще, раз начали вынюхивать про меня гадкие подробности, то вот вам еще одна – Арина в курсе. Ясно? Надо будет, так мы и шведской семьей счастливо заживем и вас не спросим. Всё! До свидания!

Рухнула в кресло и прикрыла глаза. А когда открыла, Марка Хана уже не было в помещении.

- Эпическая дура ты, Танюха, - пробормотала я сама себе,
- просто эпическая!

Галочка...

Глава 7 – О том, что у всякого есть прошлое и настоящее...

Таня

После ухода Марка Гадовича, я просидела в офисе до двух часов ночи, пока меня не попросил на выход охранник. Упиралась, конечно, но в итоге согласилась, потому как другого выбора мне просто не оставили.

Домой взять работу я тоже не смогла, но и сдаваться просто так не собиралась.

А потому уже в семь утра я была на рабочем месте, как штык, подбивая цифры к чертовому «Соло-ГК». Ничего не видела, ничего не слышала, только стучала по клавиатуре, как одержимая, да изредка совершала марш-броски до кофемашины.

Чуть наизнанку не перекрутилась, но ровно за пять минут до дедлайна я все-таки отправила на почту Хана выполненную работу. А потом откинулась на спинку своего стула, желая сдохнуть прямо здесь и прямо сейчас.

Вокруг меня началась суета – это народ двинул на обед, а я все сидела в своем кресле и понимала, что еще немного и отрублюсь. Три часа сна – это ничтожно мало. А с умственной нагрузкой так вообще катастрофа.

В общем, вырубило меня прямо на столе, а очнулась я

только тогда, когда улей вокруг меня снова ожил. Сонно за-
окирала, быстро поправила прическу и макияж, а потом
подскочила и кинулась к секретарше Хана.

- Алина? – окрикнула я девушку.

- Да, Тань? – приподняла та идеально выкрашенную
бровь, лохматую по моде и странно зачесанную кверху.

Боже, бедная бровь!

- Слушай, а Марк Германович по «Соло-ГК» ничего не
говорил? – заломила руки, но тут же спрятала их за спину.

- А-а, так его же с утра не было, он в Подмоскowie укатил,
обещал только во второй половине дня явиться. Так что, мо-
жешь не торопиться с правками, - подмигнула мне девушка
и зашагала в сторону приемной.

А мне так обидно стало, вот прям аж за ребрами заломил
и подбородок предательски задрожал. Пока я корпела над
этими глупым заданием, этот самодур спокойно себе спал
дома, в мягкой кровати. А теперь вместо того, чтобы про-
верять мои труды, просто забил и уехал по своим архиваж-
ным делам?

Ну не сволочь ли, а?

Смахнула усталую, злую слезу, развернулась и пошла на
свое рабочее место, принимаясь за работу, которая катего-
рически не хотела выполняться.

Меня рубило. Жестко.

Вот прям хоть спички в глаза вставляй. Уже и кофе не
помогал. Просто спящая царевна, ни дать ни взять.

Но все изменилось, когда мимо меня прошел некто, кто пах кедром и пачули, а еще немного яблоком и дамасской розой. И все во мне натянулось струной, а сон как рукой сняло. Только заторможенность сознания и легкий шум в голове напоминали, что я слегка не в себе.

- Таня, зайди ко мне минут через пятнадцать, - на ходу произносит мне босс, а я только киваю и все вдыхаю в себя его запах, понимая совершенно точно, что он меня бесит точно так же, как и этот мужик.

Выдыхаю вымученно, но все-таки делаю, как он просит. Прохожу мимо секретаря, ловлю ее кивок и двигаю дальше, а потом буквально падаю в кресло и поднимаю на Хана глаза.

Не брит. Помят. Глаза красные. Ну все, сейчас будет мне кровь пить.

- Добрый вам день, Марк Гад...Германович, - быстро поправляю я себя, растягивая губы в вымученной улыбке и закидывая ногу на ногу.

Хмыкает, трет указательным пальцем переносицу, тихо смеется.

Смеется, собака сутулая! Весело ему! Ну вы только посмотрите.

- Справедливо, - выдает он и чуть вытягивает губы трубочкой.

Но я только продолжаю молчать, тяжело поглядывая на него и высверливая в его лбу ментальную дыру.

- Таня, я что тебя позвал? Вообще-то я извиниться хотел...

- Вообще-то, - повела плечом.

- Да.

- М-м...

- Извини меня, я был неправ и просто...короче, я приревновал тебя, Тань.

- У вас нет никакого морального права ревновать меня, - чуть отвела я глаза в сторону, потому что его слова что-то делали со мной. Что-то, от чего сердце в груди начинало биться чаще.

- Знаю. Но, я хочу, чтобы было.

- Послушайте...

- Перестань мне выкать, я старше тебя всего на полгода, - стиснул он ручку так, что она жалобно скрипнула.

- Послушай, - тут же согласно кивнула я, - я принимаю твои извинения, Марк, но...

- Давай поужинаем сегодня?

Это звездеч!!! Он просто непробиваемый! Наглухо отбитый...

- Я твоя подчиненная. Ты – мой босс. Я хочу, чтобы все осталось так как есть, - упрямо выдала я и стиснула подол юбки под столом так, что ткань чуть не треснула.

- Ужин. Всего один. Тань?

- Я сегодня не могу, - вру я, не моргнув и глазом. Кого там мне моргать? Раз и усну, даже стоя, черт возьми.

- Из-за Стаса? – резко встал и подошел к окну.

- Из-за «Соло-ГК»! - психанула я, - Я выполняла твое

поручение до двух ночи, а потом снова с семи утра, чтобы успеть в срок. И сейчас я не ужинать хочу, а тупо спать.

- Что у тебя с Гордеевым? – будто бы не слыша, снова атаковал меня Хан и я совсем сникла, ныряя в прошлое. Оно до сих пор упорно стояло перед моими глазами, как будто все произошло еще вчера.

- Сплю с ним за деньги, - выпалила я и улыбнулась, видя, как ладони Марка сжались в кулаки.

- Таня...

- Вы прикалываетесь? – в конец вышла я из себя.

- Прости?

- Ну видимо да, вы же всем девушкам букеты таскаете и на ужины зовете, если хотите попробовать, да? Тёлки же падки на эту романтику и всякую ванильную хрень, - высказала и словно многотонный груз с плеч свалился.

Марк был моей первой любовью, и я навсегда запомнила его жестокие слова в свой адрес, но на потеху друзей-товарищей. Это было больно и жестоко.

Это было низко!

- Но вообще ничего серьезного, даже близко. Правда же? – упорно добивала я.

Развернулся. Смотрит на меня исподлобья. Давит взглядом – словно препарирует. А я больше ничего не хочу. Ни видеть его, ни слышать, ни чувствовать это иррациональное и слепое притяжение к нему.

- Мне и школы хватило, Марк Германович, - снова возвела

я между нами стену, - я второй раз на грабли наступать не собираюсь. Уж извините.

- Это был просто треп глупых мальчишек, Тань, - сглотнул он и взлохматил пятерней волосы.

- А вы случаем с Батуриной до сих пор не вместе, м-м? – парирую я и поджимаю губы, вспоминая, как он самозабвенно тискал свою Барби на последнем звонке.

Тискал и довольно мне улыбался.

- На сегодня ты свободна. Можешь идти домой, - отвернулся к окну Хан и глухо выдохнул.

И я тут же вылетела из его кабинета, а потом сделала так, как он велел – отправилась к себе и тут же уснула, стоило мне только соприкоснуться лицом с подушкой.

Пятница.

Все вокруг обсуждают подступающие выходные, а я вяло жду обеда. Не работается сегодня. И не спрашивайте меня почему.

Так-то наоборот должна порхать.

Потому что сегодня с утра мимо меня быстро прошел Хан, сухо кивнул и продолжил движение, будто бы я просто подчиненная, а он просто мой руководитель. Дальше – больше. На совещании по итогам недели он смотрел на меня отстраненно и сдержанно. По-деловому.

Лишь закидал уточнениями, но в конце только кивнул и перешел к следующему вопросу.

И после не попросил остаться, хотя я с замиранием сердца

это ждала. Ведь он был так настойчив со своим ужином. И я вся обросла стальной броней в ожидании его очередной атаки.

Но нифига. По нулям. И у меня даже внутренности скрутило, ни то от страха, ни то от томительного ожидания, что этот ненормальный снова выкинет очередной фортель, зажав меня в какой-нибудь камерке, пуская в ход свои наглые руки и...и губы тоже.

Черт! Ох, черт!

Но, как не гнала я все эти мысли из своей головы, они упорно плодились и размножались. Окаянные!

В таком раздрае и прошла первая половина дня, пока не наступил долгожданный обед. Покидала в сумочку свои вещи и бодро двинула на выход. Вызвала лифт, а потом и вошла в него, все еще перемалывая в голове прошедшую неделю.

А потом вздрогнула, когда услышала свое имя.

- Таня?

Повернула голову и вопросительно уставилась на широкоплечего парня, долго на него таращилась, а затем ахнула. Да не может быть!

- Дима?

- Офигеть! Сколько Лен, сколько Зин, – улыбнулся тот и протолкнулся в кабинке ко мне поближе, рассматривая меня с улыбкой и долей откровенного восхищения.

- Да уж, - пожала я плечами.

- А ты тут какими судьбами? – нарисовал парень окружность в воздухе.

- Я тут работаю. В «Лабра».

- Ничоси! – присвистнул, - А меня туда не взяли. Но зато приняли в «Цитадель».

- Ого!

- Спасибо! Сам очень рад, с понедельника тут тружусь. Слушай, а ты на обед?

- На обед, - кивнула я.

- Может быть составим друг другу компанию, если ты не против, - и Дима впился в меня выжидательным взглядом, пока я молча смотрела на него, прикусив губу.

Леонков был хорошим парнем, вот только...он был моим бывшим. Так что...

- Тань, да брось, просто обед. Ну что ты?

- Ну хорошо, - кивнула я и улыбнулась ему.

- Отлично! Предлагаю новое местечко тут, сразу через дорогу. Ты как?

- Я не против, - снова как китайский болванчик затрясла я головой.

А затем лифт остановился, и мы все-таки вышли в холл, а дальше двинули в оговоренный ресторанчик. По дороге Дима по своему обыкновению болтал без остановки, а я еще раз вспомнила почему мы расстались. Он был славным парнем, но уж слишком самовлюблённым, заикленным на своей внешности и мускулах, над которыми работал каждый бо-

жий день.

Мы познакомились с Леонковым, когда я была на первом курсе, а он на третьем. Видный парень, гордость института и мечта многих девчонок. Что он во мне нашел? Даже не знаю. Но Дима целый год ухаживал за мной, а я морозилась. И только когда душевные раны, нанесенные мне Кеном, окончательно затянулись, я позволила себе жить и дышать полной грудью.

Но и на этот раз я промахнулась. И слишком поздно поняла, что не люблю Диму. Рядом с ним мое сердце не замирало, а кровь не бурлила по венам. И от его прикосновений я не загоралась ярким факелом и даже не тлела жалким угольком. По нулям. Глухо как в танке.

Да и Дима меня тоже не любил. Он любил только себя, свои мускулы, свое лицо и свою популярность у противоположного пола.

И пока я ходила с ним на свидания, держась за ручку и целомудренно целуясь, сам Леонков успевал жить на полную катушку и ни в чем себе не отказывать, если вы понимаете, о чем я.

Я подслушала, как девочки судачат про моего парня в раздевалке, обсуждая то, что я, фригидная корова, не даю ему и он скоро меня бросит ради одной из них. Это и стало катализатором.

Я тогда выдохнула, а Леонков решил, что у меня приступ небывалой ревности.

В последний наш вечер я хотела порвать с ним, а он перейти на новый уровень.

- Между нами все, Дим.

- Что начинаешь? Будешь верить серой массе, а не мне, да?

- Дело не в тебе, дело во мне, - закусила я губу, видя его недовольство.

- Серьезно? Капец, ты дура, Таня. Сломаешь год отношений и из-за чего? Из-за того, что я пару раз на стороне спустил пар? Ну и что? Я тебя люблю! И я уважаю твое желание остаться чистой до свадьбы. А я мужик и у меня тоже есть определенные желания, знаешь ли! Но это не значит, что я не предан тебе, черт возьми!

- Дима, перестань, - прикрыла я лицо ладонями, устав слушать эту откровенную дичь.

- Таня, очнись! Они для меня просто тёлки. Трахнул и забыл! А ты - моё будущее! Видишь разницу?

- Вижу, - подняла я на него глаза, - ты уже заготовил мне место в своей жизни, но я не хочу его занимать. Я тебя не люблю. Точка!

Еще год Дима не давал мне жизни. Все вернуть пытался, даже клялся, что больше никогда не будет изменять. А я так устала от него, что просто хотела пожить без этого навязчивого к себе внимания. И он отстал, а я весь последний курс института ходила, шарахаясь от парней, как от прока-

женных.

И вот он опять рядом. Красивый, высокий, мускулистый, мечта любой девушки и снова мне улыбается. А я рядом с ним холодная и безучастная.

Вот только все меняется, когда мы наконец-то входим в ресторан и занимаем столик у окна.

Отчетливое ощущение чьего-то пристального взгляда. Кручу головой и замираю на мгновение, сталкиваясь со стальными глазами своего начальника.

Он здесь. Сидит в компании нескольких мужчин на втором этаже заведения и смотрит на меня снизу вверх. Смотрит так, как будто бы хочет придушить голыми руками.

И что же я делаю, спросите вы?

Конечно, улыбаюсь Диме во все свои тридцать два зуба, а потом смеюсь над очередной несмешной шуткой.

Вот вам, Марк Гадович, получите и распишитесь – я могу быть не просто «галочкой», ко мне могут относиться серьезно и даже очень! И мое прошлое тому прямое доказательство.

Глава 8 – О том, как жить хорошо...

Таня

Радоваться мне пришлось недолго. Уже всего через несколько минут пришел откат и осознание. Я начала дрожать и смущаться, а потом и вообще чувствовать себя не в своей тарелке.

А все потому, что со второго яруса ресторана меня продолжал полировать взглядом Хан. С него же станется, он сейчас мне еще одного любовника в копилку припишет, а потом и всю кровь выпьет, попрекая неразборчивостью.

Благо, спустя примерно минут тридцать пять, компания мужчин вместе с моим начальником встала из-за своего стола и спустилась вниз, все о чем-то оживленно переговариваясь, а затем и вовсе покинула помещение.

И я разом обрадовалась, а затем и скисла.

И борщ моментально стал каким-то пресным, и салат не впечатлил, и даже кофе мне сварили сильно посредственный.

- Ну что мы все обо мне, да обо мне, Тань. Может и про себя что-то расскажешь? – вдруг привлек мое внимание Дима, хотя я не слышала ровным счетом ничего из того, что он мне вещал.

Оказывается, все как всегда – о себе любимом. Ну, а что я, собственно, хотела? Люди не меняются.

- Ну, что тебе рассказать?

- Замуж не вышла? Парень есть? – и глаза у парня заблестели.

Оу, и у этого все одно, да потому. Что-ж...

- Не вышла, Дим. Мне и одной вполне комфортно.

- Уверена? Может попробуем начать все сначала?

Приехали. Остановка – дерево.

- Мне, кажется, что ты не осилишь, - ухмыльнулась я.

- Все ждешь принца на белом коне? – поджал губы.

- Что? Ты так и не купил белого коня? Не порядок, Дим...

- Тань.

- Нет, нет, Дим, нет коня, нет шансов. Прости, - пожала я плечами и отхлебнула из чашки ужасный кофе, отодвигая от себя тарелку с недоеденным борщом.

- Давай хоть сходим куда-нибудь? Выходные впереди, можно загород махнуть.

- Блин! – вдруг воскликнула я.

- Что?

- За город! Ё-моё! - и закопошилась в сумке, пытаюсь отыскать свой телефон.

Вот балда, я со всеми этими Марками и Димами совсем забыла про Рому!

Открыла мессенджер и принялась листать ленту переписок, находя нужное. Ага, вот! Ну точно. Нет, я и так с Леонковым никуда не пошла бы, но теперь у меня есть хотя бы правдивое оправдание для отказа.

- Тань, да что такое-то?

- Оу...прости, Дим, но я в эти выходные никак. У меня есть дело повышенной важности.

- А как же я? – вытянул губы трубочкой.

- А ты пока ищи коня, - выдала я и дала знак официанту подойти.

Уже через десять минут мы с Леонковым выходили из заведения. Он мило придерживал мне дверь, улыбался и заглядывал в глаза, а я стремительно улетала в черную дыру, наткнувшись взглядом на своего босса. Он сидел на открытой террасе ресторана и давился смолами. Рядом с ним находился еще какой-то мужчина, что-то ему рассказывая, но тому, кажется и дела до него не было.

Ему бы только дырку мне во лбу просверлить.

- Что за перец? – спросил Дима, имея в виду Хана.

Вот! Даже мне не показалось, что меня хотели препарировать взглядом.

- Мой начальник, - буркнула я, - не обращай внимание, он всегда такой – вечно всем недовольный. Это его обычное состояние и жизненное кредо.

- А-а, самодурит, да? Если что, то ты только скажи, я ему наваляю, будет знать, как нашу Таню обижать.

- У него черный пояс по карате, Дим, - припомнила я факт о Хане еще со времен школы.

- А у меня по мордобою, - подмигнул Леонков, и я покачала головой.

Дальше разговор снова плавно переключался на персону моего бывшего. И все время пока мы шли до офиса, ждали лифта и поднимались на свой этаж, он трещал без умолку, чем до безобразия меня утомил. Из кабины я радостно вываливалась. Затем помахала парню на прощание с думами, что, на свое счастье, не оставила ему свой номер телефона.

Молодец!

И до конца рабочего дня все было тихо. Меня никто не трогал и не провоцировал, только ходил туда-сюда и зыркал в мою сторону недовольно своими стальными зенками. И после шести, когда все засобирались домой грозное начальство тоже подалось из своего кабинета, а потом и вошло вслед за мной в тесное лифтовое пространство.

И встало сзади меня...

У-у-у...

Сглотнула и замерла каменным извоянием.

Пытаюсь игнорировать все те удивительные метаморфозы, которые начали происходить с моим телом - мурашки, нервная дрожь, явная нехватка кислорода. Но что-то как-то не очень...

Вдохнул, выдохнул. А у меня аж волосы дыбом встали, когда я почувствовала дуновение в районе шеи. Гадович! Специально издевается!

И я уж было приготовилась к очередной выходке или хотя бы какой-то язвительной реплике, но нет. Я просто вышла из лифта, не оглядываясь, а Хан продолжил свое движение

на подземную парковку.

Ф-у-ух! Пронесло...

На крыльце своего офиса облегченно прикрыла глаза, улыбаясь яркому августовскому солнышку.

М-м, жарышка...

И попа требует приключений, вот даже вибрирует от нетерпения. А нет, это телефон вибрирует, пардоньте.

- Да, да, - приняла я вызов.

- Тань, ты жива?

- Ага, жива, цвету и пахну, Стасичка, - улыбнулась я и пошла к метро.

- Завтра все в силе? За тобой заезжать?

- В силе, - кивнула я.

- Ну, все, тогда будь готова к трём. И да, купальник не забудь.

- Да что ты, я без купальника из дома вообще не выхожу, - хохотнула я.

- Чё такая довольная?

- Эх, Стасямба, нам ли быть в печали? – философски потянула я.

- Слушай, а раз ты такая вся глубоко положительная, то может уже сегодня к нам, а? А завтра сразу махнет без лишних телодвижений?

- А давай, - согласилась я.

- Отлично, заеду за тобой часа через два, шевели лапами.

- Шевелю, - довольно хмыкнула я и отключилась.

И да, мой вечер прошел отлично, в кругу друзей и под душевные разговоры. Хана я бы предпочла не вспоминать, но Арина буквально закидала меня вопросами. Пришлось ка-
яться обо всем с начала недели, а потом искать в сети фотки Леонкова, чтобы показать друзьям.

- О-о, хороший мальчик, - замурлыкала девушка Гордеева, листая ленту с многочисленными снимками Димки.

- Э-э, женщина, угомонись, - забрал Стас у своей благоверной телефон.

- Какой глаз у Хана Гадовича дергался? Левый или правый? – спросила Арина.

- У меня бы оба задергались, - поджал губы Гордеев, погрузившись в профиль Леонкова.

- Не понимаю вашего энтузиазма, - пожала я плечами.

- И правильно, - кивнула подруга, - не понимай. И даже если у него ничего нигде не дернулось, то точно судорогой сведет после завтрашнего вечера.

- Это еще почему? – нахмурилась я.

- Потому, - подняла вверх указательный палец Арина и свернула разговор.

А уже на следующий день, мы въезжали в ворота загородного дома нашего общего друга Ромы Ветрова, который сегодня отмечал свой День рождения. В свою компанию Стас меня втянул совсем недавно и все были очень радушными, но особенно балагур и отъявленный сердцеед Рома – блондин с зелеными глазами и самой смазливой физиономией на

свете.

Именно он шел сейчас к нам навстречу и задорно улыбался.

- Ребята, добро пожаловать! – тепло обнимался он с Ариной и Стасом, а потом перевел на меня взгляд.

- Привет, Ром, ну с праздником, что ли!

- Та-ак, Татьяна, поздравления потом! Дела главное всего.

- Дела? – нахмурилась я.

- Ага. А ну-ка дай сюда свой телефон, - и требовательно протянул ладонь.

- Держи, - дала я ему гаджет.

- Отлично! Теперь иди сюда, - сграбастал в охапку и принялся отщелкивать на фронталку снимки, приговаривая, - Тань, улыбайся, в щеку меня целуй, ага, вот так, теперь я тебя. Стоп, снято! Молодец!

Отлепился от меня и снова закопошился в моем телефоне.

- Ром, а ты что там делаешь?

- Аринка сказала надо какого-то там Гадовича позлить.

Вот я, собственно, этим и занимаюсь.

- Чё? – ахнула я, мгновенно выпадая в осадок.

- Все, готово. И вот тебе мудрость на будущее – если хочешь сделать кому-то плохо, просто будь счастлива.

Подмигнул и протянул мне телефон, где в известной социальной сети уже вовсю крутилось сториз с нашими фотками.

С подписью: «С Днем рождения, Любимка!».

- Арина! – завопила я в ужасе.

Но в ответ услышала только дружный смех своих «друзей».

Садисты!

 ПыСы: кто не в курсе - это и есть тот самый Рома Ветров, герой романа "Девочка Грешника".

Глава 9 – О том, как порой всё бесит...

Марк

- Вот же сучка...

Швырнул телефон на стол и откинулся на спинку кресла, прикрывая глаза и стискивая переносицу двумя пальцами. Приказывал себе дышать ровно и пытался забыть то, что только что увидел. Таня и какой-то прилизанный блондинистый хер в ее ленте, со слащавой подписью «С Днем рождения, Любимка!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.